Сады Виверны

Автор:
Юрий Буйда

Сады Виверны

Юрий Васильевич Буйда

Новая русская классика

«Сады Виверны» – дерзкое путешествие по трем странам и четырем эпохам. Искусный колдун превращает уродливых женщин в красавиц и оборачивается зверем, милосердный инквизитор отправляет на костер Джордано Бруно и сражается с драконом, бесстрашный шалопай вступает в схватку с темным маркизом и спасает невинных девушек от санкюлотов, а многоликий агент петербургской полиции убивает великого князя и защищает от нацистов будущего президента Франции… И всеми невероятными событиями управляет Эрос истории, бог древний и безжалостный.

Юрий Васильевич Буйда

Сады Виверны

Эрос, отважный и бездомный, вечный дух любви, pontifex, строитель мостов через Стикс и Ахерон, Флегетон, Лету и Коцит, мостов, соединяющих небо и землю, дух и плоть, рай и ад, ведет нас путями неведомыми и ненадежными в будущее, грозно пылающее там, на другом берегу…

Авсоний Сидонский

Ничто, когда-либо занимавшее живых людей, не может вполне утратить жизненную силу – ни один язык, на котором они говорили, ни один

божественный глагол, при возвещении которого они умолкали, ни одна грёза, когда-либо пленявшая человеческий дух: ничто, чему люди когда-либо отдавались сильно и со всем пылом страсти.

Уолтер Патер

© Буйда Ю.В.

© Giorgio De Chirico, by SIAE 2021

© ООО «Издательство АСТ»

Часть I. Парабасис

Действующие лица

Дон Чема, мессер Хосе-Мария Рамон де Тенорьо-и-Сомора, великий квалификатор святой инквизиции, доктор обоих прав, адамант Господень и мастер по бритью женских ног.

Его любознательный и похотливый секретарь Мазо, тахиграфист и книжник.

Статная мона Вера, милая хромоножка Нотта и мадонна Антонелла ди Ротта-Мональдески, прекрасные пленницы Эроса.

Фика, алчная и блудливая кухарка, мать Нотты.

Папа римский Климент VIII, в миру – Ипполито Альдобрандини, Pontifex Maximus, раб рабов Божьих, друг кофе, враг испанцев и евреев.

Камерленго Святой римской церкви Пьетро Альдобрандини ди Мадонна, могущественный кардинал-племянник и несчастный отец.

Субдатарий Римской курии дон Антонио дель Моцци, хозяин «ночных псов».

Джованни Кавальери, великий трансформатор.

Маруцца, ищейка, кипящая червями.

Свирепый Капата, капитан Саксонской дюжины и владелец мориона из цельного куска стали.

Веселый монах по прозвищу Басту и его возлюбленная Невидимка без когтей и крыльев.

Брат Уго, изобретатель amor machina и «ста гвоздей».

Джулио Романо, Маркантонио Раймонди, Пьетро Аретино и Агостино Карраччи, порнографы.

Кардинал Роберто Беллармино, профессор Ипполито Марсили и другие ученые мужи, которые уверенно вели святую инквизицию по пути прогресса, способствуя ее превращению в светоч гуманизма.

Каноник Марсилио Фичино, коротышка и заика, домашний врач Козимо Медичи и наставник Лоренцо Медичи, создатель платоновской версии христианского учения о душе: «Душа существует среди смертных вещей, сама не будучи смертной… Другие вещи под Богом – каждая в себе – суть отдельные предметы, она же является одновременно всеми вещами. В ней – образы вещей божественных, от которых она зависит, она же – причина и образец для всех вещей низшего порядка, которые некоторым образом сама же и производит. Будучи посредницей всех вещей, она обладает способностями всех вещей… Ее справедливо можно назвать центром природы, посредницей всех вещей, лицом всего, узлом и скрепой мироздания (copula mundi)».

* * *

Das Sch?ne ist nichts als des Schrecklichen Anfang[1 - Прекрасное – то начало ужасного, которое мы еще способны вынести. Р.М. Рильке (нем.).].

R.M. Rilke

Голая женщина кормила голубей пшеницей.

Она лежала на боку, закинув правую руку за голову, а левую свесив почти до пола, и свет заходящего солнца, проникавший в зал через высокие окна, мягко обрисовывал ее безупречное тело, золотя холмы, растекаясь по пажитям и сгущаясь в ложбинах. Ее голова, подмышки и лобок были начисто выбриты.

Голуби громко ворковали и клевали зерно, рассыпанное на простынях, подушках, на женской груди, на животе и бедрах, выхватывали пищу из створок розовой раковины, всякий раз заставляя женщину вздрагивать.

Когда я шагнул к кровати, звякнув шпорами, птицы шумной стаей взлетели под купол, с которого взирал на людей разгневанный седобородый Творец, окруженный ангелами в пылающих одеждах.

Женщина легла на спину и разжала левый кулак – сквозь пальцы потекло на пол зерно, к которому из-под купола устремился самый отважный голубь.

Едва я наклонился к ней, как она открыла глаза, а рука ее скользнула в складки одеяла.

– Осторожнее, – сказал дон Чема за моей спиной, – нож!

Но женщина уже замерла, обмякла, словно лишившись сил, и взгляд ее узких глаз, вспыхнувших было адским пламенем, превратился в сонную зеленую воду.

Сейчас и я разглядел рукоятку ножа, спрятанного в складках шелка, и пятнышки крови на руках и груди красавицы.

– Неужели это Нелла? – спросил я в изумлении.

Дон Чема ловко перевернул женщину на живот, чтобы я мог разглядеть цепочку родинок, тянувшихся через ягодицу к бедру и похожих на следы птиц.

– Это она. Заверните ее в плащ и любовно свяжите. И обыщите дом. Поторопитесь – скоро стемнеет.

Он остался в спальне, а мы бросились выполнять приказ.

Здание было полуразрушенным, полурастащенным, полузагаженным: древний мавзолей богатой римской семьи, который много раз перестраивался, превратился в конце концов в жилой дом, служивший в последние годы притоном для отребья.

Десяток тесных каморок наверху, внизу – кухня с огромным очагом и горшками, полными куриных костей, чулан с повешенной женщиной, кипевшей червями, большой зал с топчаном, жаровнями, мольбертами, кусками мрамора и столом, заваленным объедками, бумагами, тряпками, засохшими кистями, и просторная спальня с шестью высокими окнами и широкой кроватью без балдахина, запах экскрементов, пятна крови…

Среди бумаг на столе обнаружилась также книга Авсония Сидонского в латинском переводе, название которой было наспех соскоблено, угадывались только два слова – amor и historia.

Добыча наша оказалась довольно скудной – несколько тетрадей, книга да холст, свернутый в трубочку и перевязанный грязной бечевкой. И никаких следов человека, кровью которого была забрызгана женщина в спальне.

– Поспешим, – сказал дон Чема.

Он взгромоздил связанную женщину на своего коня, мы зажгли факелы и рысью выехали на дорогу, ведущую в город.

Впереди скакали двое самых сильных воинов, позади – двое самых надежных, остальные держались по бокам, охраняя дона Чему, меня, спеленутую женщину, тетради и холст, свернутый в трубочку и перевязанный бечевкой.

Саксонская дюжина – так называли наших солдат. Они входили в охрану кардинала Альдобрандини, но всегда были к услугам дона Чемы. Их итальянский словарь сводился к нехитрому набору слов, относящихся к еде, деньгам и сексу,

однако этого им хватало с лихвой. Эти парни плохо владели нашим языком, но очень хорошо – своим оружием, а в Риме это умение ценилось уж никак не меньше жизни.

Их капитан носил прозвище Капата[2 - Capata – удар головой (итал.).], потому что в разгар драки пускал в ход свою голову, которой мог и убить: вместо лба, снесенного вражеским мечом, у него была толстая медная пластина.

Рим давно не был первым среди городов, золотой обителью богов, воспетой поэтами.

Неделю назад на Корсо, близ церкви Санта-Мария-ин-виа-Лата, средь бела дня был ограблен венецианский посол, карета которого провалилась в яму. Посла и его сундуки с серебром не спасли ни титулы, ни вооруженная до зубов охрана.

Что же тогда говорить о развалинах древних дворцов, терм и стадионов, где гнездились отъявленные злодеи, с наступлением темноты выходившие на охоту, как хищники в диких лесах.

Мавзолеи же и гробницы, стоявшие по обеим сторонам Аппиевой дороги, издавна населяли нищие, калеки, грабители, воры, торговцы краденым, убийцы и одноногие проститутки, безжалостные, как дети.

С тяжким звоном скакали мы по лощеным камням «царицы дорог», вздымая над головами факелы, ощетинившись копьями, сверкая доспехами, готовые в любой миг отразить нападение разбойников, которые следили за нами из-за кипарисов.

И даже когда вдали показались уродливые стены Колизея, над которыми поднимались печные дымы, мы не ослабили бдительности, хотя и были вынуждены сбавить шаг – мешали горы мусора, местами возвышавшиеся до лошадиных губ.

Мне казалось, что наш путь лежит на другой берег Тибра, в Ватикан, где папа Климент VIII ждал известий о судьбе своей внучатой племянницы, а камерленго Святой римской церкви кардинал Пьетро Альдобрандини ди Мадонна – доклада о злоключениях своей дочери, но дон Чема свернул к Авентинскому холму, где за воротами Сан-Паоло, неподалеку от базилики Святой Сабины, стоял его дом.

– Сегодня воскресенье, Мазо, – сказал он, заметив мое недоумение, – сегодня мы предаемся науке смирения.

Атлет Иисуса, подвижник Господа ради, страж добра, неуклонный враг Сатаны, неудержимый воин духа, неустрашимый и прямой, как его вера, мессер Хосе-Мария Рамон де Тенорьо-и-Сомора по прозвищу дон Чема был терциарием Доминиканского ордена, великим квалификатором – следователем по особо важным делам Конгрегации священной канцелярии, авторитетным ересиологом, экспертом по духам двенадцати категорий и тварям неведомым, но существующим, доктором utroque iure[3 - Доктор обоих прав, гражданского и церковного (лат.).] и доктором теологии, левой рукой всесильного кардинала-племянника Пьетро Альдобрандини и лучшим мастером по бритью женских ног.

Бритье женских ног входило в его ars humilitatis[4 - Наука смирения (лат.).], которой он занимался по воскресеньям, и ничто не могло этому помешать.

Но тем вечером, прежде чем предаться ученым занятиям, дон Чема приказал устроить Неллу в комнате рядом с кухней под присмотром надежной и бодрой старушки, вооруженной четками и острым ножом, а потом продиктовал письмо, адресованное кардиналу-племяннику:

«Ваше высокопреосвященство, она жива и находится у меня. Однако ее состояние внушает опасения. Буду весьма и весьма признателен, если завтра пришлете ко мне сера Сантоцци, чтобы он осмотрел девушку и сделал необходимые распоряжения.

Datum Romae,

Aventinus,

28 августа 1601 года».

Обычно в коротких деловых посланиях кардиналу-племяннику обращение к нему по обоюдному согласию сокращалось до аббревиатуры V.E.D. – Vestra Eminentiam, Dominum[5 - Ваше высокопреосвященство (лат.).], но на этот раз дон Чема решил, видимо, подчеркнуть эмоциональную и сюжетную значимость

события, прибегнув к полному титулованию.

Письмо было вручено капитану саксонцев, который тотчас со своим отрядом отправился в Ватикан.

И только после этого дон Чема, убедившись, что ворота, двери и окна заперты на тридцать девять засовов и двенадцать замков, приказал подавать ужин.

Когда дон Чема уставал или был взволнован, он слегка прихрамывал – давала о себе знать старая рана.

Тем вечером он припадал на ногу сильнее обычного.

Воскресное меню вполне отражало характер хозяина, предпочитавшего простую речь, простую еду и простых женщин. Однако вечернее застолье редко сводилось к тривиальному приему пищи: как-то после ужина дон Чема заставил нас дышать дымом табачных листьев, привезенных из колоний, в другой раз мы давились горьким турецким кофе, который так понравился Клименту VIII, что он призвал «отнять этот чудесный напиток у дьявола», а в начале лета после трапезы хозяин угостил нас листьями растения, которое индейские короли называют «кока», после чего я оказался в некоей спальне, где раб рабов Божьих занимался иррумацией с его высокопреосвященством, и не знай я, что понтифик прикован к постели тяжелой подагрой, решил бы, что это происходит наяву…

Но тот вечер обошелся без сюрпризов.

На стол подавала милая хромоножка Нотта, рыжеволосая малышка с зелеными раскосыми глазами, которая, если верить сплетням, была прижита кухаркой от папского гвардейца. От нее пахло сушеными яблоками, ромашкой и теми особыми субстанциями, которые обычно источает манкое тело юной целки.

Я сидел по правую руку от хозяина, занимавшего место во главе стола, а по левую – мадонна Вероника, мона Вера, статная домоправительница дона Чемы, твердая духом и нежирная телом, которая, вопреки моде, не отбеливала лицо и не сбривала брови. Из почтения к хозяину она сидела на третьем от него стуле, пропустив два свободных. Ей было доверено разливать вино, которое, даже самое крепкое, было стократ безопаснее воды из Тибра.

Обычно после ужина хозяин приглашал меня в кабинет, где я отчитывался de usibus[6 - О пережитом (лат.).] – о книгах, которые пережил за то время, что минуло с нашей предыдущей встречи. О книгах из библиотеки дона Чемы.

Книжное собрание монастыря, где я провел детство и отрочество, содержало около двух сотен инкунабул, прикованных цепями к полкам. По большей части это были богословские труды, а также греческие манускрипты, из которых монахи тайком вырезали куски пергамента, чтобы изготовить маленькие молитвенники, пользовавшиеся спросом у крестьян.

Библиотека герцога Савойского, которую мне довелось мельком видеть, сопровождая нашего аббата, поражала воображение обилием и красотой книг, но я не принадлежал к тем, кто носил тяжелую османскую парчу, рыхлый венецианский бархат, китайские шелка и обладал правом жить без спроса.

Книгохранилище же сера Марио, нотариуса и ценителя прекрасного, родного брата нашего настоятеля, мне не удалось увидеть и одним глазком: его книги, как и его оружие и доспехи, хранились в комнате, обитой изнутри железом и запертой на семь замков.

Дон Чема в первый же день моего пребывания в его доме распахнул передо мной двери своей сокровищницы. Она, конечно, была гораздо меньше библиотеки герцога Савойского, но больше и богаче, чем книжное собрание нашего монастыря. Гомер и Вергилий, Аристотель и Платон, Августин и Фома, Данте и Отцы Церкви, толстые тома в переплетах из телячьей кожи и хрупкие пергаменты в свитках…

– Пируй, Мазо, – сказал дон Чема, – но проглатывай только то, что прожуешь.

И я принялся жевать и проглатывать книгу за книгой, а дон Чема проверял, справляется ли мое пищеварение с Платоном, Фомой и Боккаччо.

О характере этих бесед и особенностях наставника свидетельствует, например, наш разговор о Данте и его Комедии, а точнее – о пятнадцатой песни Ада, где говорится о седьмом круге с его тремя поясами.

Как известно, в первый пояс этого круга Данте поместил насильников над ближним и его достоянием, то есть тиранов и разбойников, во второй пояс – насильников над собой и своим достоянием, а именно самоубийц и мотов, а в третий – богохульников, содомитов и взяточников.

И среди всех этих насильников, среди всех этих мерзавцев волею автора обречен страданиям Брунетто Латини, учитель Данте, человек, который заменил поэту рано умершего отца. При этом автор Комедии ничего не рассказывает о прегрешениях Брунетто.

– А ведь мы, – сказал я, в очередной раз отчитываясь de usibus, – ценим Данте именно за прямоту и точность высказывания…

– Иногда мне кажется, – проговорил дон Чема, – что в Комедии словно просвечивает другая поэма, которую Данте мог бы написать, не чурайся он двусмысленности и обладай способностью смотреть на предметы с разных точек зрения. При первом чтении Комедии меня поразило – да и сейчас поражает – начало эпизода, когда Данте, собственноручно поместивший Брунетто в преисподнюю, при виде учителя вдруг восклицает с изумлением: «Вы ли это, господин Брунетто?» Это изумление – что оно значит? Лицемерие? В это невозможно поверить, имея представление о характере Данте и тех средствах, которые он использует для достижения своих целей. Но как бы то ни было, читатель смущен и взволнован этим риторическим приемом, неожиданным, раздражающим и словно призывающим к бдительности. Мы не знаем о Брунетто ничего плохого, он замечательный писатель и искренний патриот Флоренции, где занимал видные посты, что было бы невозможно, будь его репутация подмоченной. Выходит, Данте знал что-то очень дурное о своем учителе, раз поместил его среди мерзких грешников. Да при этом еще выставил на всеобщее обозрение! Он ничего не рассказывает нам о грехах Брунетто, но мы можем догадаться о них, поскольку среди тех, кто оказался в седьмом круге, встречаются содомиты. Так что же Данте, он честен или безжалостен? Почему он выдал тайну любимого учителя, которую, похоже, знали только они, он и Брунетто, и больше никто? При всем при том их встреча – это встреча отца и сына, которые беседуют так, словно никакого зла, никакой тайны между ними не было и нет. И его почтительный тон в разговоре с учителем вызывающе противоречит приговору, который Данте-сочинитель ему вынес. А когда их встреча заканчивается и Брунетто возвращается к бесцельному и вечному бегу по кругу среди грешников, Данте вдруг сравнивает его с веронскими бегунами и говорит, что Брунетто похож на героя: «Он обернулся как победитель, а не

проигравший». Потрясающая сцена, в которой поэт демонстрирует способность к сомнению, отказ от окончательных диагнозов и приговоров. Наша бдительность оказывается вознагражденной. Мы с изумлением обнаруживаем, что Данте-персонаж ставит под сомнение суд Данте-писателя; Данте, который всегда старался исходить из должного, идеального, вдруг дал слово самой жизни, превратившись из моралиста в художника. Он без колебаний осуждает Паоло и Франческу, но в случае с любимым учителем позволяет победить волшебной сложности, и картина мира становится волнующе богатой, многомерной…

– Возможно ли, – после паузы заговорил я, тщательно подбирая слова, – что их, Данте и Брунетто, развело разное понимание любви, и в зрелости поэт возвращается к этому эпизоду, чтобы преодолеть наконец то, что когда-то их связывало и отталкивало, чтобы слиться с учителем в очищающем огне Господней любви, пусть и пылающей в аду?

Дон Чема взглянул на меня с доброжелательным удивлением, смешанным с грустью, и проговорил:

– Иногда мы любим Бога только потому, что любовь к человеку причиняет невыносимую боль. И очень часто думаем, что любовь к человеку дарит нам его cor, anima et caro[7 - Сердце, душу и тело (лат.).], хотя получаем лишь cunnus, os et asinus[8 - Вагину, рот и задницу (лат.).]. Впрочем, у людей нередко это одно и то же. А ответы на все твои вопросы исчерпываются молитвой Господа нашего, который напоминает, что прощение выше справедливости…

После таких разговоров я особенно ясно понимал, почему дона Чему называли doctor subtilissimus[9 - Изощреннейший, утонченнейший (лат.).].

Наши вечерние беседы длились иногда часами, но не в воскресенье.

В воскресенье после ужина хозяин уединялся в своих покоях, и вскоре из-за дверей доносился свист стали – дон Чема точил бритву.

Мой господин пользовался непререкаемым авторитетом среди инквизиторов всех степеней и возрастов, а также покровительством папы Климента VIII и могущественного кардинала Пьетро Альдобрандини, но осторожность в

поступках и речах никогда не оставляла его.

Поэтому он строго-настрого запретил мне выносить из библиотеки книги сомнительного содержания – как те, что были включены в Index Librorum Prohibitorum[10 - Индекс запрещенных книг (лат.).], так и те, что хранились в шкафчике с дверцами розового цвета.

Для чтения таких книг предназначалась каморка за полками, где можно было уединиться на топчане, например, с «Золотым ослом», «Сатириконом» или каким-нибудь трактатом, украшенным грозными клеймами donec corrigatur или donec expurgetur[11 - Запрещено, если не исправлено; запрещено, если не очищено (лат.).].

Именно там я и открыл для себя скоромную книгу «De omnibus Veneris schematibus, или Любовные позы», состоящую из шестнадцати гравюр Маркантонио Раймонди по рисункам Джулио Романо, любимого ученика Рафаэля, и шестнадцати похабных сонетов Пьетро Аретино, написанных языком уличной шпаны.

Но поскольку книга была запрещена Церковью, эти рисунки не дошли бы до нас, не создай Агостино Карраччи свою серию гравюр по мотивам произведений Джулио Романо. А о первоисточнике напоминали только сонеты Аретино, героями которых были реальные куртизанки вроде Беатриче де Бонис, любовницы Лоренцо Медичи, а не боги и герои, как у Карраччи.

Но эти детали интересовали меня в последнюю очередь.

Персонажи этих гравюр – Марс, Антоний, Геракл, Дидона, Эней – сочетались с женами и любовницами в разных позах, будоража воображение, а сладостный яд сонетов побуждал к действию.

Покажи я эту книгу авентинским сверстникам, они удивились бы, узнав, что способ, при котором мужчина стоит, а женщина, обхватив его ногами вокруг пояса, обнимает партнера руками за шею, называется позой Геракла и Деяниры, тогда как нормальные люди в таком случае говорили, что «трахаются по-немецки». А позу Анжелики и Медора, когда женщина садится на пенис лежащего мужчины, во всех лупанариях называют «погасить свечу» или «сальной свечой» (дешевая сальная свеча гораздо толще восковой).

Каморка примыкала к кабинету дона Чемы, а от книжных полок отделялась плотным пологом, стены же ее были обтянуты темным сукном. Я ворочался на топчане, пытаясь устроиться поудобнее, как вдруг мой локоть попал в щель между кусками сукна, которые слегка разошлись, и я услышал звуки, природа которых не вызывала никаких сомнений.

Разведя сукно руками, я увидел дона Чему и мадонну Веронику.

Он, голый и с бритвой в руке, стоял на коленях перед ней; она сидела на низком пуфе, откинувшись назад и вытянув перед собой нагую ногу, которая была покрыта мыльной пеной, – судя по доходившему до меня запаху, это была классическая смесь оливкового масла, аммиака и уксуса.

Замерев и стараясь не дышать, я наблюдал за манипуляциями дона Чемы.

Царь Филипп Македонский лишился глаза, подглядывая за своей женой Олимпиадой, матерью Александра Великого, когда она совокуплялась с Юпитером, но в те минуты я был слишком захвачен открывшимся мне зрелищем, чтобы думать о возможных последствиях.

Дон Чема осторожно и ловко орудовал бритвой. Когда он выбрил и вторую ногу, мона Вера одним движением сняла с себя сорочку, потом легла на спину, широко раскинула ноги и приподняла таз, чтобы мужчине было удобнее брить ее высокий лобок, вспыхнувший вдруг как божий храм на холме в лучах закатного солнца…

Теперь я понял, почему при обсуждении священных бестиариев хозяин обходил молчанием слона – символ Спасителя. Ведь слон совокупляется лишь раз в жизни, чтобы зачать потомство, а мой хозяин, видать, в глубине души был согласен с каноником Лоренцо Валла, который утверждал, что melius merentur scorta et postibula de genere humano quam sanctimoniales virgines et contimentes[12 - Разврат и публичные дома много более заслуживают перед родом человеческим, чем набожное целомудрие и воздержанность (лат.).].

Впрочем, как сказал однажды сам дон Чема, беда тела заключается в том, что ему приходится претерпевать жизнь духа.

Внезапно кто-то тронул мою голую пятку, и от этого робкого прикосновения у меня чуть не лопнуло сердце.

В слабом свете, проникавшем в каморку через раздвинутые куски сукна, я узнал малышку Нотту, кухаркину дочь. Знаками она дала понять, что хотела бы посмотреть, чем там занимаются дон Чема и домоправительница. Разумеется, я должен был прогнать ее, но шум мог привлечь внимание хозяина, и я был вынужден отступить.

Нотта протиснулась к занавесу, обдав меня будоражащим запахом своего тела, и, встав на четвереньки, приникла к щели. Вскоре по ее участившемуся дыханию я понял, что за стеной происходит нечто еще более интересное, чем бритье ног, и, раздосадованный, легонько шлепнул Нотту по ягодицам. Она не поняла намека, и тогда я попытался ущипнуть ее. Мои пальцы коснулись ее нежной горячей кожи. Нотта всем телом повернулась ко мне, нечаянно попав пухлыми губами в мой рот, и после этого нам не оставалось ничего другого, как слиться в поцелуе, а потом часть моего тела стала частью ее тела…

Не знаю, догадался ли дон Чема, что происходило в библиотеке, когда он ласкал бритвой прекрасный лобок моны Веры, но привычек своих хозяин не изменил.

А вот привычный образ моей жизни тем воскресным вечером оказался разрушен бесповоротно, и новый образ я пытался создать с помощью Нотты.

У нее были красивые волосы, красивое лицо, красивые руки, красивая маленькая грудь, которая целиком помещалась у меня во рту, и было в ее ладном гладком теле что-то мило-игрушечное и притягательно-детское – его не хотелось выпускать из объятий, а хотелось трогать, мять и целовать, и, когда я это делал, она тихонечко постанывала и дрожала, в зеленой глубине ее глаз загорался золотой огонек, а пот ее становился сладким и пьянящим.

Но ее левая нога была короче правой, поэтому все считали Нотту порченым товаром, и ее мать с нетерпением ждала, когда дочери исполнится тринадцать, чтобы выгнать ее на улицу с желтым бантом в волосах: «Много не заработает, но хоть жратву отобьет». Старуха и сама была не прочь при удобном случае подработать естеством – недаром соседи даже в глаза называли ее Фикой[13 - Fica – вагина (итал.).].

Моей малышке было судьбой уготовано влиться в несметную армию римских проституток, которые начинали заниматься этим ремеслом в девять-десять лет, в тринадцать рожали от авентинского или виминальского гопника, в двадцать становились беззубыми старухами, а потом умирали от люэса или проказы, не дотянув до тридцати.

Поскольку вскоре все в доме узнали, что секретарь Мазо сорвал розу, я предложил кухарке отступного из денег, которые ежемесячно выдавал мне дон Чема, не желавший, чтобы его секретарь щеголял в дырявых башмаках и куртке с протертыми локтями.

Поначалу хозяин платил мне пятнадцать дукатов в год, но со временем, когда я освоился и приобрел необходимую деловую сноровку, мое содержание выросло аж до шестидесяти дукатов, так что я даже стал относить небольшие суммы флорентийцам, которые жили на Банковской улице. Дом наш могли обокрасть, а флорентийцы хоть и не платили процентов, зато возвращали деньги по первому требованию.

Но Фика, получавшая двенадцать дукатов в год, об этом, слава богу, не знала.

Она поворчала, но деньги взяла, однако я понимал, что рано или поздно эта алчная тварь поднимет цену, а потом еще и еще раз. И тогда у меня не останется другого выхода, как пустить в ход кинжал.

Нотта одобрила мой план – мать ей было ничуть не жалко.

Но пока мы были предоставлены друг другу и пользовались любой возможностью, чтобы предаться изучению науки страсти.

По воскресеньям, затворившись в библиотечной каморке, мы следовали примеру дона Чемы и моны Веры, которые следовали наставлениям Агостино Карраччи и Пьетро Аретино: сначала я ласкал Нотту пальцем, как Эней Дидону, потом трахал ее, как Вакх Ариадну, то есть, говоря языком авентинских соседей, в позе «тачки», и завершали мы нашу любовную игру в позе Антония и Клеопатры. Моей малышке особенно нравилась поза Геракла и Деяниры, мне – поза Полиена и Хрисеиды.

Впрочем, любовь заставила нас переступить через стыд, и вскоре мы, свободные и отважные, превзошли и Карраччо с Аретино, и Кирену[14 - Гетера из «Лягушек» Аристофана, которая знала двадцать любовных поз.] с Элефантидой[15 - Александрийская гетера и поэтесса III века до н. э., сочинявшая эротические руководства.], научившись доставлять друг другу наслаждение способами, официально запрещенными даже в лупанариях и банях, хотя и обычными в семейных спальнях.

Одного мы не могли понять: зачем дон Чема бреет ноги моны Веры?

Понятно, что женщины удаляют волосы с лобка, чтобы избавиться от вшей, и носят меркин, но ноги – ноги-то зачем брить?..

Тем воскресным вечером, когда мы привезли в дом на Авентине Неллу, хозяин после ужина отправился к себе, чтобы наточить бритву, Нотта принялась за мытье посуды, а я пробрался в библиотеку, чтобы подобрать для малышки новую латинскую книгу.

Нотта оказалась способной ученицей не только в науке страсти – ее живой от природы ум, подстегиваемый сознанием физической ущербности, жадно впитывал все новое, что можно почерпнуть из книг. За три года нашей близости она освоила латынь настолько, что уже могла оценить стиль Цицерона, и взялась за изучение греческого, в чем я ей всячески помогал.

И как же я бывал счастлив, когда после любовных утех Нотта прижималась ко мне влажным дрожащим телом, закидывала на мои ноги свою тяжелую горячую ножку и шептала на ухо прерывающимся голосом какой-нибудь непристойный стишок Катулла Веронского или Гесперия Галльского, обдавая меня благоуханием меда и молока…

Дон Чема успел выбрить ноги моны Веры, когда в библиотеку влетела босая запыхавшаяся Нотта. От нее пахло лавандой – пучок сухой травы она носила под юбкой, чтобы отбить запах пота.

Пока мы целовались и раздевались, мона Вера легла на живот, широко раздвинула ноги, согнув их в коленях, и уперлась руками в пол, в то время как дон Чема подхватил руками ее бедра, как рукояти тачки, и потянул женщину на

себя, приподнимая ее так, чтобы войти в нее из положения стоя, а тем временем Нотта легла на спину, высоко вскинув ножки, и ее жаркие алые врата открылись навстречу моему трепещущему языку, тогда как ее пальчики погрузились в мою шевелюру, но едва мужчины двинулись на приступ, а женщины судорожно сглотнули и затаили дыхание в предвкушении первого касания, как гармоничную тишину дома разорвал дикий крик – вопль такой силы, такого переворачивающего ужаса и такого отчаяния, что все мы бросились со всех ног на этот страшный звук, забыв об одежде.

Двое голых мужчин и две голые женщины бежали в темноте к лестнице, толкаясь и что-то крича, скатились вниз и, натыкаясь на мебель, ворвались в кухню, где на полу у горящего очага в черной блестящей луже лежало человеческое тело, и вдруг из черного угла кто-то метнулся к нам, дон Чема отлетел к столу, рухнул на колени, мона Вера согнулась пополам, подошла к стене, сползла на пол, я толкнул Нотту под стол, получил удар в плечо, полетел боком вперед, увидел высокую белую фигуру в дверном проеме, стукнулся лбом обо что-то, пал на четвереньки – голова пошла кругом…

Теперь крики доносились со двора, и дон Чема, накинув на плечо какую-то тряпку и схватив вертел, метнулся к двери, я – за ним, успев вытащить из очага пылающую головню, упал на ступеньках, растянулся на камнях, вскочил, увидел старика Дарио, привалившегося к стене, и глухонемого Луку, сына моны Веры, который ползал на карачках у распахнутых ворот, растерянного и перепуганного конюха, дона Чему с тряпкой на плече и вертелом в руке, сидевшего на земле за воротами и сплевывавшего, сплевывавшего, сплевывавшего…

Сзади подошла Нотта, прижалась к моей спине, и я почувствовал ее дрожь.

– Кто это был? – спросил я.

– Нелла, – сказал дон Чема.

– Но как… – Я запнулся. – Что же теперь делать?

– Надо закрыть ворота, – хрипло проговорил дон Чема. – Да закройте же эти чертовы ворота, наконец!..

Через час, пересчитав убитых и оказав помощь раненым, мы сошлись в столовой, чтобы перекусить сыром и выпить немного вина.

Нотта впервые сидела за одним столом с хозяином и была смущена. Она, слава богу, отделалась ушибами и царапинами, а вот мадонне Веронике повезло меньше: Нелла ударила ее ножом в плечо – домоправительница потеряла много крови. У дона Чемы распухло ухо, глаз заплыл, а я до крови сбил колени.

Дон Чема предположил, что старуха, которой велели присматривать за пленницей, сама развязала Неллу: веревки не были ни перегрызены, ни перерезаны.

Возможно, девушке захотелось справить нужду, а ее вялость обманула бдительность старухи, решившей, видать, что в таком состоянии девушка не опасна. Завладев ножом, Нелла одним ударом убила охранницу, которая даже пикнуть не успела, а потом покинула комнату и двинулась на свет – в кухню, где пылал очаг. Здесь она застала врасплох Фику и молодого конюха, предававшихся блуду.

Тело конюха мы обнаружили в луже собственной крови на полу, а труп Фики – с ног до головы она была искромсана ножом – Нелла бросила в огонь (выхватывая из очага головню, я заметил чьи-то пятки в пламени, но тотчас об этом забыл).

Во дворе Нелла ударила ножом в живот старика Дарио и полоснула глухонемого Луку по горлу, отчего он скончался в мучениях.

На домоправительницу было больно смотреть.

Мадонна Вероника любила своего несчастного Луку – он был смирным и красивым сыном. Вооруженный кинжалом и кастетом, Лука сопровождал ее в походах по лавкам, и никто не смел словом или делом оскорбить его статную мать, которая величественно шествовала по улице с корзинкой в руке. Рано овдовев, она была вынуждена поступить на службу к дону Чеме, и он помог ей вырастить дочерей, а потом удачно пристроить обеих замуж.

Мне трудно судить о чувствах, которые мона Вера питала к хозяину, но лицо ее чудесным образом преображалось, когда после соития дон Чема без сил откидывался на спину, а она вдруг приподнималась на локте и быстрым

движением проводила кончиком языка по его губам…

Но бедный Лука – он был ее кровью и плотью…

Однако еще больше мои мысли занимала Нотта.

Теперь, после смерти матери, она осталась без защиты и опоры. Ее старшая сестра давно постриглась, братья промышляли воровством и разбоем, так что я был единственным человеком, который мог ее поддержать.

О женитьбе не могло быть и речи: я был бедным, бездомным и слишком юным, а она – хромоножкой. Однако пока я служил у дона Чемы и пользовался его благорасположением, ничто не мешало нам, мне и Нотте, держать наши башмаки под одной кроватью.

Вдобавок отношения наши не были омрачены детьми.

В течение трех лет мы сочетались каждый день, но беременность счастливо миновала Нотту. Однажды она со смущением призналась, что ежедневно читает молитву о чадородии задом наперед, чтобы не залететь, и, хотя я сурово отчитал ее за богохульство, в душе возблагодарил Господа, пасущего прекрасных хромоножек и похотливых секретарей.

Дон Чема вернул меня к действительности.

– Скоро рассветет, – сказал он. – А нам с Мазо надо кое-что обсудить.

Нотта взяла мону Веру под руку и бережно повела к лестнице.

Когда дверь за женщинами закрылась, дон Чема разлил вино по кружкам и сказал:

– Вижу, ты в растерянности, Мазо, и наверняка у тебя много вопросов…

– Вы правы, мессер, но мне не хотелось бы связывать ваши ответы моими вопросами: мое неведение и ваше знание могут находиться в разных местах.

– Тогда я расскажу тебе все, что знаю, дабы очертить границы нашего неведения. Но не будем при этом забывать, что границы истинного и границы реального почти никогда не совпадают.

– Что ж, – сказал я, поднимая кружку, – gradus per gradus![16 - Шаг за шагом (лат.).]

– Что ж, – со вздохом сказал дон Чема, поднимая свою, – что ж…

Свой рассказ дон Чема начал с нашей прошлогодней поездки во Фраскати, городок к северу от Рима, где издавна селилась черная знать – князья Церкви. Именно там решил возвести загородный дворец и кардинал Пьетро Альдобрандини, поручивший строительство серу Джакомо делла Порта, который прославился возведением купола собора Святого Петра по проекту Микеланджело.

Кардинал-племянник вызвал дона Чему во Фраскати по какому-то неотложному делу, мы выехали затемно и к полудню въехали в ворота виллы, поражавшей благородством пропорций, хотя она еще и не была достроена.

Дон Чема тотчас отправился к кардиналу, а мне разрешил погулять по парку, который, впрочем, напоминал тогда огромную мусорную свалку: всюду высились кучи глины и камня, штабели досок, груды бочек и мешков, да и под ноги надо было смотреть внимательно, чтобы не сверзиться в какую-нибудь яму.

Майское солнце становилось все жарче, и в поисках тени я забрел в небольшую рощу, отделявшую стройплощадку от небольшого домика под черепичной крышей.

Пройдя через рощицу, я остановился, пораженный открывшимся зрелищем.

Посреди маленькой лужайки – в нескольких шагах от меня – стояло существо, опиравшееся на палку и взиравшее на меня исподлобья. Иначе у него не могло и получиться, поскольку лоб его съезжал на нос и раздавался в стороны, напоминая козырек. Через мгновение я понял, что это женщина, через два мгновения до меня дошло, что она молода. И, судя по одежде, принадлежит к

знати.

Согбенная, кривобокая, горбатая, с руками необыкновенной длины и огромным ртом, она попыталась улыбнуться, но напугала меня еще больше.

В этот миг из домика вышел молодой человек – его узкое лицо с прямым носом и выдающимся подбородком, окаймленным тонкой бородкой, выражало досаду.

Я попятился, кланяясь, а когда оказался среди деревьев, припустил бегом.

До меня, разумеется, доходили слухи о дочери кардинала-племянника, которую он прятал от чужих глаз, но запомнился этот слух лишь потому, что такая скрытность показалась мне странной: внебрачные дети князей Церкви были обычным явлением, отцы признавали их и часто наделяли звучными титулами. Но эта девушка… эта уродина… уж не ошибся ли я?

– Не ошибся, – сказал дон Чема, когда я рассказал ему о странной незнакомке. – Это мадонна Антонелла ди Ротта-Мональдески, дочь его высокопреосвященства. Любимое дитя и turpis bastard[17 - Уродливый ублюдок (лат.).].

А через неделю она исчезла из Фраскати.

Молодой человек с прямым носом, которого я успел разглядеть на крыльце домика с лужайкой, пропал в тот же день, поэтому его заподозрили в похищении Неллы.

– Его имя – Джованни Кавальери, – продолжал дон Чема, – он живописец, один из мастеров, которые должны заниматься внутренним убранством дворца. Сер Джакомо делла Порта пригласил его, поскольку был наслышан о немалом даровании и мастерстве Джованни. Поиски беглецов кардинал поручил мне, но они затерялись в бескрайнем Риме. И только два месяца назад одна из моих ищеек по прозвищу Маруцца случайно вышла на их след. Мы не торопились с арестом, чтобы выведать планы преступника и случайно не навредить Нелле. Остальное ты видел…

– Полтора года назад я видел уродину, а вчера – красавицу…

– Я тоже.

– Простите, мессер, но это был вопрос.

– Понимаю. Но чтобы отыскать ответ, нам придется пройти по грани между непознанным и непознаваемым…

– Вы всю жизнь имеете дело с демонами, ведьмами, суккубами, лютеранами, левшами и прочими порождениями ада…

– Тут что-то другое. Маруцца провела несколько месяцев в доме на Аппиевой дороге, но не заметила ничего подозрительного. То есть Джованни не прибегал ни к магии, ни к медицине, не произносил заклинаний и не трогал мону Неллу железом. Она употребляла ту же пищу и то же вино, что и Джованни. Пищу же готовила Маруцца, и она ручается, что никаких колдовских средств при этом не использовалось. Однако изо дня в день девушка менялась. Каждый день она становилась чуть-чуть выше, стройнее и красивее, пока не превратилась в женщину, которую мы нашли в доме на Аппиевой дороге. Несколько раз Джованни посылал Маруццу за новой одеждой для Неллы, и однажды ищейка не выдержала – прямо спросила, что происходит с девушкой. Любовь творит чудеса – таков был ответ Джованни…

– Но ведь никому и в голову не приходит понимать эти слова буквально! – вскричал я. – Когда говорят «он сгорает от любви», никто не бросается за водой, чтобы спасти несчастного от огня. Безногий может влюбиться, однако ноги у него не вырастут…

Дождавшись, когда я выдохнусь, дон Чема проговорил:

– Сказав, что любовь творит чудеса, Джованни добавил: «Стоит мне разлюбить ее, как чудо закончится, и с той поры пусть она ищет другого бога».

– Помилуйте, мессер! – воскликнул я. – Не хотите же вы сказать, что этот Джованни может изменить физическую природу человека силой чувства или мысли? Остановить солнце над Гаваоном, чтобы выиграть битву? Воскресить мертвого? О ком мы с вами говорим, мессер?

Дон Чема жестом остановил меня.

– Должен кое-что рассказать тебе, Мазо. Здесь, в Риме, никому нет дела до моего имени, а вот в Испании при упоминании Тенорьо многие крестятся. Все дело в моем далеком предке – доне Хуане де Тенорьо, который жил в Севилье во времена Педро Жестокого, короля Кастилии. Пользуясь его покровительством, дон Хуан распутничал, безнаказанно бесчестил девушек и женщин из знатных семей, издевался над их родителями и мужьями. Дошло до того, что он убил дона Гонзало де Ульоа, командора ордена Калатравы, чтобы завладеть его дочерью. – Дон Чема помолчал. – Если говорить всю правду, убивали двое – король Педро и дон Хуан. Монарх был таким же безрассудным и распутным чудовищем, как и его приятель дон Хуан. Поэтому правосудие и безмолвствовало. Тогда рыцари Калатравы решили сами отомстить за бесчестие и смерть командора. Они обманом заманили дона Хуана в глухое место и убили его. А вскоре от руки родного брата пал и король Педро…

Я молчал, не пытаясь даже гадать, к чему клонит дон Чема.

– В этой истории меня интересовали не соблазнители, а соблазненные, но только два года назад мне удалось познакомиться с документом, который рассказывает о судьбах некоторых женщин, совращенных доном Хуаном де Тенорьо. Как я и ожидал, несчастные почти всегда охотно откликались на голос зла, сулившего им радости любви, хотя в этой любви не было ни жалости, ни благоговения, ни стыда…

– То есть это была не любовь, а страсть…

– Дон Хуан ценил не qualitas mulieres[18 - Качество женщин (лат.).], а их количество. Он пробуждал в женщинах желание, которое преображало их до неузнаваемости, как сообщается в документе. Они были желанными, а это часто важнее, чем быть любимыми. Рядом с ним, в его объятиях, они возносились на вершину сердца… но стоило ему покинуть их, как они увядали… они умирали, Мазо, умирали одна за другой! Некоторые налагали на себя руки, другие просто переставали жить…

– То есть они переставали жить, очнувшись от сна, от обмана…

– Как сказал поэт, we are such stuff as dreams are made on, and our little life is rounded with a sleep…[19 - «Мы сделаны из вещества того же, что наши сны, и сном окружена вся наша маленькая жизнь» (англ.). (Шекспир У. Буря. Перевод М. Донского.)]

– Спорить с поэтами, конечно, бессмысленно, – проворчал я, – однако это не снимает вины с вашего предка, который прибегнул к излюбленному оружию дьявола – лжи.

– В документе, разумеется, упоминается и дьявол. Перед смертью дон Хуан не раскаялся, однако признался, что продал дьяволу душу и подписал соответствующий договор. Вижу, ты смущен, Мазо. Мне тоже не хотелось бы ступать на эту скользкую дорожку, проторенную черным невежеством и низменным страхом. – Он брезгливо поморщился. – Красная книга Сатаны, «Малый ключ Соломона», дьявольские метки на теле, полеты на Лысую гору, и прочая, и прочая… Но давай взглянем на это иначе. Ведь нам всю жизнь приходится выбирать не между любовью и ненавистью, а между любовью и пустотой, и не между правдой и ложью, а между разными правдами. Это похоже на ересь, согласен, но именно неустанная борьба с еретиками и утвердила меня в этой мысли. Дьявол и есть великая пустота, вмещающая что угодно и тем привлекательная, а самым обольстительным образом пустоты является красота, дарованная просто так, ни за что…

– Мессер, только не говорите, что мы имеем дело с самим Сатаной!

– Поскольку мы пока не понимаем, каким образом Джованни Кавальери удалось изменить физическую природу мадонны Антонеллы, предлагаю считать его miraculum naturae…[20 - Чудо природы (лат.).]

Я выдохнул с облегчением.

– То есть человеком с шестью пальцами…

– Или человеком, который от рождения обременен горбом. Джованни Кавальери горбат, хотя это и не сразу бросается в глаза. Разве я об этом не упоминал?

– Мессер!..

– Поспать уже не удастся. – Дон Чема встал. – Сегодня нам предстоит непростой разговор с человеком, который хотя бы выслушает нас, прежде чем повесить.

– Возможен и такой исход?

– Откуда мне знать, Мазо, к какому решению придет его высокопреосвященство?

– Но вы-то его давно знаете…

Дон Чема усмехнулся.

– О промысле Божьем мы знаем не больше, чем ложка о вкусе супа. Хвала Иисусу, Прометей отнял у людей способность к предвидению, даровав взамен слепую надежду и огонь, то есть наделил их свободой воли и возможностью влиять на историю. Но нельзя забывать, что чувства старше разума, а потому сильнее. Что нам остается? Слепо надеяться на Бога, конечно!

– Хвала Иисусу, – со вздохом подытожил я наш разговор.

– Не унывай, Мазо. – Дон Чема подмигнул. – Herr Gott ist raffiniert, aber boshaft ist er nicht[21 - Господь изощрен, но не злонамерен (нем.).].

Вымотанный физически и душевно, я допил вино и отправился спать.

Поднявшись в свою комнатку, я нашел Нотту крепко спящей, а ее туфли – под кроватью рядом с моими. Однако свой ночной горшок малышка поставила далеко от моего – у двери, словно спрашивая таким образом, надолго ли она тут.

Стараясь не шуметь, я поставил ее горшок рядом с моим и нырнул под одеяло.

Шесть лет назад, когда из захолустного монастыря я попал в Рим, в секретари к следователю по особо важным делам Конгрегации священной канцелярии, мне поручалось простое переписывание допросных листов, затем – составление обзоров наиболее типичных преступлений против веры, наконец – подготовка проектов аналитических записок о сомнительных истолкованиях Credo Apostolorum[22 - Апостольский «Символ веры» (лат.).], создающих почву для

ересей.

Участие в инквизиционных процессах заставило меня изменить мнение о земном правосудии и о тех, кто его правит.

В тех краях, где я жил до переезда в Рим, даже в наши просвещенные времена обыкновенным и распространенным был суд Божий, который называется также ордалиями, когда ответчик с самого начала считался виновным, а испытания водой или раскаленным железом признавались решающими средствами при добыче истины.

Дикие бароны и дикие епископы калечили и убивали людей без счета, если не успевала вмешаться инквизиция. Разумеется, она тоже использовала пытки, но благодаря усилиям профессора Ипполито Марсили и его последователей инквизиционный процесс стал не только рациональным, но и гораздо более гуманным, чем прежде. Суд исходил из презумпции невиновности ответчика, дознание тщательно документировалось, перекрестный допрос свидетелей был обязательным, а приговор инквизиционного суда основывался на вердикте присяжных.

Это была такая школа для ума и сердца, о которой многие могли только мечтать. Горжусь тем, что по поручению дона Чемы мне довелось готовить материалы для самого кардинала Роберто Беллармино, великого инквизитора, автора множества богословских сочинений и единственно верного перевода Святой Библии. Муж с золотым сердцем, изощреннейший ученый, воплощение доброты и сострадания к падшим – вот каким он запомнился. Слава этого выдающегося человека распространилась так широко, что его именем называют даже амулеты – беллармины, защищающие честных христиан от ведьм и прочей нечисти.

Меня судейские ценили прежде всего как тахиграфиста, говорю это без ложной скромности.

Многие грамотные монахи, занимающиеся перепиской книг и документов, владеют тахиграфией – скорописью, техника которой восходит то ли к Цицерону, то ли к Тирону, то ли к Сенеке.

Дон Чема усовершенствовал эту систему, приспособив к нашему языку, а я, как мне кажется, неплохо ее усвоил.

Вдобавок это занятие способствует развитию памяти, поскольку тахиграфисту приходится постоянно держать в уме сотни специальных знаков, позволяющих сокращать слова и фразы иногда до одного-двух символов.

Мне довелось записывать показания Беатриче Ченчи, дочери сенатора, которая даже под пытками продолжала изворачиваться и лгать, пытаясь уверить следователей в чрезмерной жестокости отца, заточившего ее в укромном замке и насиловавшего чуть не каждый день. Только поэтому, утверждала Беатриче, она и убила его.

Свидетели, однако, показали, что эта бесстыжая девка тайно вступила в связь с плебеем, сбиром – полицейской шестеркой, от которого и родила ребенка, и отец наказывал ее за грязное блядство, карая, может быть, слишком сурово, но не опускаясь до инцеста.

Красавицу Беатриче признали виновной в покушении на семейные ценности, завещанные Христом, и вместе с сообщниками казнили на мосту у замка Сант-Анджело.

Мне было поручено вести протоколы допросов глуповатого и косноязычного мельника Меноккио, отрицавшего божественность Христа, оправдание и предопределение, а когда его высокопреосвященство кардинал Роберто Беллармино задавал вопросы интеллектуалу Джордано Бруно, я записывал дерзкие ответы Ноланца о множественности миров, преосуществлении и непорочном зачатии Девы Марии.

Помню, как смеялись инквизиторы, когда выяснилось, что Джордано Бруно в Оксфорде выдал трактат Марсилио Фичино за свой. Впрочем, плагиат был наименьшим из его грехов.

И мельника, и Ноланца сожгли, и я при этом присутствовал, радуясь вместе со всеми за души счастливцев, которые освободились от этой скотины – мерзкой плоти, чтобы предстать перед Вышним Судией.

Хотя следствие завершилось справедливыми приговорами, дон Чема посчитал необходимым прокомментировать дела, отнявшие у нас так много сил и времени.

– Помнишь ли, Мазо, как мы обсуждали противостояние Сигера Брабантского и Фомы Аквинского? Сигер и его друзья утверждали, что материя вечна и не была сотворена Господом, бессмертие души – фикция, а значит, нет никаких оснований для веры в воздаяние и искупление, в райское блаженство и муки ада. Да и свобода воли не стоит ничего, поскольку идеи и вещи связаны всеобщей естественной закономерностью, не имеющей ничего общего с божественным Провидением…

– Помню, мессер, что вы цитировали Комедию, где говорится о Христе, который вывел дух из рабства на свободу… и еще мы говорили о двух Чезаре… Чезаре-бедняк не виноват в том, что ворует, потому что его заела бедность, а Чезаре-богач не виноват в том, что он убийца, потому что его родители не любили…

Дон Чема кивнул.

– Фома выступил против бесчеловечного детерминизма, в котором нет места ни выбору, ни свободе, ни ответственности. Он считал человека не тенью истории, но действующим лицом ее, учеником и соучастником Господа, личностью, которая несет ответственность за результаты своей деятельности, и любовь и ненависть такой личности стоят того, чтобы ради них жить, а если понадобится, то и сражаться, как Святая инквизиция сражается за души человеческие… – Дон Чема перевел дух. – Когда-то Пико делла Мирандола горделиво заявил, что он поставил человека в центр мира, назвав его copula mundi – связующим мир звеном. Не знаю, понял ли он хотя бы перед смертью, что на самом деле пытался заменить Бога хамелеоном? Любовь и ненависть – пустотой? Сталь – ртутью? Истинный свет Божий – обманчивым светом солнца? Понял ли он, что сам человек из зверя родиться не в состоянии? Пико и его единомышленники встали на сторону дьявола, провозглашая людоедский принцип homines hominum causa natos esse[23 - Люди сотворены для людей (лат.).]. Попытки поставить человека в центр истории, позволив ему выбирать власть и форму правления, ввергают его в борьбу с тысячами других воль, стремящихся к другим формам правления, то есть безжалостно бросают людей в пучину хаоса, братоубийства, окончательно отвергая и дискредитируя самое понятие власти и ее божественную природу. И в той истории, где нет ни Бога, ни Провидения, нам не избежать великих потрясений. Негодяи вроде Меноккио и Ноланца, отвергающие традиции и пытающиеся разрушить устоявшуюся картину мира, ничем не лучше мерзавца Эпикура, утверждавшего, что после смерти погибают и плоть, и душа. Они разрушают норму, не думая о minores – малых сих, которые вынесут из ученых рассуждений только один вывод: если Земля круглая, значит,

все дозволено. И тогда мир погрузится в кровавый хаос!..

– Но, мессер, однажды вы сами заметили, что человек, созданный по образу и подобию Божию, обладает врожденными правами, из числа которых невозможно исключить свободу слова, то есть право высказываться о происхождении и устройстве мира…

– Это опасное заблуждение, Мазо, и не случайно Церковь расценивает его как ересь. Свобода слова не дает права говорить все, что тебе заблагорассудится. Одно дело – высказываться относительно общего блага и наилучших способов решения проблем, стоящих перед государством, которое создано людьми, совсем другое – судить о творении Божьем, исполненном чуда!

– Мессер, бедняк, видевший в своей жизни только одно чудо – рождение своего ребенка, может славить Рождество нашего Спасителя, но ему трудно искренне славить Пасху, если все, кого он любил, ушли безвозвратно. У него не остается ничего, кроме слепой надежды на их воскресение…

Дон Чема бросил на меня благосклонный взгляд.

– Богачу, получившему хорошее образование, верить не легче, Мазо. Но вера – она требует всех наших сил и всего нашего мужества, и она поверх всего, и поэтому мы так ценим память, которая соединяет поколения, живых и мертвых. В юности я изощрялся в науках, посещая лекции в Парижском университете, который недаром называется «печью, где выпекается духовный хлеб латинского мира». Помню, как я впал в отчаяние, когда услышал от профессора, что теплота сама собой переходит лишь от тела с большей температурой к телу с меньшей температурой и не может самопроизвольно переходить в обратном направлении. Ведь из этого следует, что душа, возможно, и существует, но бессмертия души не может быть, и Христос не воскрес… и как после этого жить? Помню и ответ профессора: если вы верите, что Христос воскрес, значит, Христос воскрес, а наука без веры – она как пьяный слепец, размахивающий ножом в толпе…

Странно: пока мы с доном Чемой ехали рысью по малолюдным утренним улицам на встречу с кардиналом Альдобрандини, я вспоминал об этой и других таких же беседах, и постепенно моей душой овладел покой, поэтому, когда мы миновали мост Сант-Анджело с вывешенными напоказ преступниками и вдали показались

мрачные стены и башни Ватикана, я уже не испытывал ни страха, ни даже волнения.

Когда мы отдавали поводья коней папским гвардейцам, я вдруг подумал о том, как удивится и обрадуется Нотта, проснувшись и обнаружив свой горшок рядом с моим, и лицо мое расплылось в улыбке…

Его Святейшество папа Климент VIII не любил евреев и испанцев, но если иудеев он громил буллами, защищая итальянских торговцев от конкурентов, то с испанцами развязал затяжную политическую войну. А поскольку болезнь все чаще приковывала его к постели, эту войну вел его любимый племянник – кардинал Альдобрандини, камерленго Святой римской церкви.

Именно он, его высокопреосвященство Пьетро Альдобрандини ди Мадонна, вернул в лоно Церкви французского короля и его подданных, присоединил к Папской области Феррару, благословил брак Генриха IV и Марии Медичи, помирил Испанию с Францией, предпринял шаги к ослаблению влияния испанцев в Италии и добился многих других успехов во славу Бога и Церкви.

А кроме того, он покровительствовал музыканту Фрескобальди, поэту Торквато Тассо, который посвятил кардиналу Альдобрандини поэму «Завоеванный Иерусалим», и сам написал книгу «Apophegmata de perfecto principe»[24 - «Парадоксы о совершенном властителе» (лат.).], пользовавшуюся известностью в кругах итальянских и французских интеллектуалов.

Мне доводилось встречаться с ним, сопровождая дона Чему, и всякий раз я поражался способности кардинала одновременно писать, читать и внимательно слушать собеседника, не упуская мелочей. Недаром его иногда в шутку называли «Цезарь в дзуккетто»[25 - Zucchetto – кардинальская шапочка (итал.).].

Он никогда не повышал голоса, а свое отношение к испанцам в присутствии дона Хосе-Марии Рамона де Тенорьо-и-Сомора выдавал лишь тем, что называл его иногда домашним прозвищем Чема, которое испанцы часто используют при обращении к людям по имени Хосе-Мария.

Кардинал принял нас в кабинете, стены которого были обиты желтой кожей, без слов предложил дону Чеме занять кресло у стола, а мне – любое место, каковым

оказался табурет у двери.

Лицо Альдобрандини не выдавало его чувств, пока он слушал рассказ о приключениях своей дочери.

Когда же дон Чема завершил отчет, кардинал задумчиво переспросил:

– Miraculum naturae?

– Это, конечно, рабочее название…

– Она действительно стала выше?

– На две римских пяди, монсиньор.

– И она… – Кардинал вдруг запнулся. – Она стала красивой?

– Прекрасной, – сказал дон Чема, не любивший превосходных эпитетов.

Альдобрандини посмотрел на меня.

– Каллипигой[26 - Один из титулов Афродиты (Венеры); букв.: с красивым задом.], – ляпнул я. – Простите, я хотел сказать…

Но кардинал жестом остановил меня.

– Итак, мастеру Джованни Кавальери оказалось по силам изменить физический облик женщины. Не исключено, что его дар распространяется и на мужчин. И не на одного человека, а сразу на десять, сто или тысячу…

– Мы этого не знаем наверняка, ваше высокопреосвященство, – сдержанно возразил дон Чема.

– Но мы не можем судить о его намерениях, – продолжал кардинал, – а поскольку он горбун, то нельзя исключать, что он злобен и жесток, а значит, опасен. По каким-то причинам он оказался наделен даром, о природе которого

мы ничего не ведаем. Он может совершить то, что мы называем чудом. Однако чудо – краеугольный камень нашей веры, и Церковь не вправе допустить, чтобы такой дар был использован во зло. Воздействуя на тело, вместилище души, он тем самым покушается на дух, а это недопустимо. При этом мы не знаем о других его способностях и не уверены, что он преследует благие цели. Его возможности слишком велики и таинственны, чтобы мы предавались бездействию…

– А Нелла?

Альдобрандини был слишком взволнован и не сразу понял вопрос дона Чемы.

– Что? О чем вы, дон Чема?

– Я говорю об Антонелле, монсиньор. Уверен, что мы должны бросить все силы на ее поиски.

Кардинал вышел из-за стола – мы встали.

– Нелла… – проговорил дон Пьетро, и в голосе его мне послышалась боль. – Но почему? Почему она бросилась зверем на людей? С кинжалом! Нелла – убийца! Вы же знаете, она никого не могла обидеть… Она была доброй девочкой, не способной причинить зло не то что человеку – лягушке! Воробью! Если этот Джованни Кавальери умеет менять не только внешность, но и души человеческие, то он опасен вдвойне!

– Думаю, ее душа попросту не успевает за телом, – сказал дон Чема, – и в образовавшийся зазор хлынул хаос. Это ее беда – не вина. Ее надо найти, ваше высокопреосвященство.

Альдобрандини вздохнул.

– Незадолго до вашего прихода дон Антонио доложил мне, что ее нашли возле Зеркальной башни и отнесли в монастырь. Сестры-облатки ухаживают за нею, она в сознании и невредима, но… я послал к ней доктора Сантоцци – она не узнала его… душа ее где-то далеко… – Кардинал помолчал. – В нескольких шагах от нее нашли ребенка… убитого ребенка… с ножом в сердце…

Дон Чема перекрестился.

– Мне хотелось бы увидеться с нею.

– Разумеется. Что вы намерены делать?

– Судя по записям в тетрадях, которые мы обнаружили в доме на Аппиевой дороге, Джованни интересуется известным вам монастырем Святого Вита близ Пармы…

– Садами Виверны?

Дон Чема кивнул.

– В Парме у нас одна проблема, – сказал кардинал, – герцог Рануччо Фарнезе, бабник, психопат и дурак, свихнувшийся на колдовстве…

– А герцогиня?

– Моей сестре всего тринадцать, мессер. Она милое, кроткое существо, волею судьбы оказавшееся среди бешеных Фарнезе, поэтому вам вряд ли стоит рассчитывать на нее. – Альдобрандини сел за стол, открыл бювар и взялся за перо. – С этой минуты вы наделяетесь чрезвычайными полномочиями, которые будут изложены в письме с личной подписью и личной печатью Его Святейшества. Письмо от кардинала Одоардо Фарнезе поможет вам, если потребуется искать поддержки у герцога. Действуйте, дон Чема, nihil obstat[27 - «Никаких препятствий» – термин, означающий, что цензор разрешает печатать и распространять книгу (лат.).]. – Кардинал вдруг повернулся ко мне. – Белого пути, Томмазо.

От неожиданности я не нашел, что ответить, только низко поклонился его высокопреосвященству, впервые назвавшему меня полным именем.

Нам приказали ждать внизу, пока будут готовы письма, обещанные кардиналом.

В небольшом зале со щитами на стенах к нам подошел тот самый дон Антонио, которого упомянул монсиньор Альдобрандини.

Дон Антонио дель Моцци занимал должность субдатария Римской курии, то есть заместителя главы казначейства, но обязанности его имели мало общего с финансами Святого Престола.

Многие в Ватикане презирали его и побаивались – этот невысокий тощий мужчина в черной шляпе поверх черной кали, завязки которой болтались у его кадыка, возглавлял многочисленную стаю «ночных псов» – шпионов кардинала.

– Мессер Рамон де Тенорьо-и-Сомора, – проговорил он с поклоном тихим голосом, – мне велено оказывать вам любую помощь, какая только потребуется. Когда вы отправляетесь в Парму?

– Без промедления, – сказал дон Чема, ответив на поклон. – Какой путь посоветуете, дон Антонио, – через Пизу и Лукку или через Перуджу и Урбино?

– Через Урбино вы наверняка доберетесь до Пармы без потерь, – ответил главный шпион. – Тосканское же побережье по-прежнему опасно: болота Мареммы кишат бандитами, которых, как вы знаете, поддерживают испанцы. Если не возражаете, вас будут сопровождать саксонцы.

– Благодарю, дон Антонио.

– Я предупредил сестер-облаток о вашем посещении, вас ждут.

Главный шпион внимательно посмотрел на меня и с поклоном удалился.

– А что это за Виверна, мессер? – спросил я.

– Обитель святого Вита находится под особым покровительством кардинала-племянника, – сказал дон Чема. – В монастырском приюте собраны mirum populus, назовем их так. Диковинные люди. Калеки, уроды, которых отторгают, а иногда и преследуют люди обычные. Местные называют их виви. Там, в садах Виверны, содержатся и те, кто страдает болезнями разума. Но принимают туда только особ женского пола, поскольку они совершенно беззащитны и не могут

постоять за себя. Приор монастыря – дон Эрманно – большой знаток таких болезней. А название свое приют получил от старинного названия горы – Монвиверна, на вершине которой стоит обитель.

– Полагаете, он там?

– Лучшего места для него не сыскать: там ведь почти каждый встречный – corpus vile…[28 - Тело для медицинских опытов; букв.: дешевое тело (лат.).]

– Наверное, – задумчиво проговорил я, не глядя на дона Чему, – там находят приют и уродливые ведьмы, пораженные зломыслием и спасающиеся от инквизиции…

Инквизитор вздохнул.

– Святая Хильдегарда Бингенская, – сказал он, – полагает, что человек, изгнанный из рая, неизбежно портится, лишается смысла жизни, и его болезнь не событие и не процесс, но состояние дезинтеграции, а его воля к небытию сильнее стремления к божественному жизнетворчеству. Образ жизни такого человека и его содержание святая Хильдегарда связывает с modus deficiens – состоянием недостаточности, с дефицитом божественности, с выхолащиванием человеческого, и этот дефицит, как мы видим повсюду, только усугубляется, принимая все более изощренные формы. Его высокопреосвященство кардинал Альдобрандини отдает себе в этом отчет и не считает, что сожжение еще одной деревенской дурочки, нуждающейся в любви и лечении, стало бы полноценным восполнением этого дефицита. Символические жесты чрезвычайно важны, но лишаются силы, когда становятся частью рутинных ритуалов. – В голосе его явственно звучала печаль. – Все мы куплены дорогою ценою, говорит Апостол, который ни для кого не делает исключений. Иногда мне кажется, что жизнь тех, кто не может постоять за себя, жизнь дураков и уродов – последний бастион в нашей битве с дьяволом, и к этому-то, собственно, и сводится тот трагический оптимизм, который я пытаюсь исповедовать. – Он помолчал. – Но речь не обо мне, Мазо: у кардинала Альдобрандини в Риме немало врагов, и этим людям будет только на руку, если он проиграет схватку с колдуном…

– Мессер… – Я понизил голос, хотя в зале не было никого, кроме нас. – Не кажется ли вам, что его высокопреосвященство преувеличивает угрозу, исходящую от Джованни Кавальери?

Дон Чема повернулся ко мне всем телом.

– Ведь Джованни не сделал ей ничего плохого, – продолжал я, немного струхнув. – То есть он, конечно, похитил ее, хотя в точности и неизвестно, похитил ли, может, она сама решила сбежать от отца… Насколько я понимаю, Джованни не держал ее взаперти, в темнице и оковах… Он не ограбил ее, не убил – изменил ее внешность, превратив в красавицу. Узнай об этом другие женщины, они выстроились бы в очередь за красотой! Да и многие мужчины не устояли бы…

Дон Чема задумчиво кивнул.

– Греки считали, что красота и добро – одно и то же. Это у них мы заимствовали понятие о нравственно прекрасном человеке, это они придали красоте моральный смысл. Однако Аристотель в «Евдемовой этике», где он говорит о полноте жизни в полноте добродетели, замечает, что на это способны только мыслители, которые привыкли повиноваться не страху, как все, а стыду. Много ли ты знаешь людей, которые без страха повинуются стыду? Много ли ты знаешь таких, кто готов пожертвовать плотью и инстинктом, ссорящими людей, пожертвовать ради идеала, который – и только он – способен их объединить? – Он вдруг наклонился ко мне, и голос его упал до шепота. – Много ли ты знаешь людей, понимающих или хотя бы чувствующих разницу между тленной красотой мира, погрязшего в грехах, и вечной красотой Христа, которая спасет мир? Зло только укрепляется тленной красотой, чтобы с новой силой обратиться против Христа! Тебе не приходила в голову эта мысль, когда ты записывал показания прекрасной Беатриче Ченчи? – Он откинулся на спинку скамьи. – Мы живем во времена, когда все не то, чем кажется, Мазо… Женщины поднялись на каблуки и превратили свои лица в маски, они замачивают свои волосы в моче и подставляют их солнцу, чтобы превратиться в блондинок… Мужчины красят губы и не способны встретить врага лицом к лицу… Зачем, если достаточно нажать курок пистолета? Прямая речь не в чести – предпочтение отдается аллегориям и эмблемам, ложь окутана метафорами… Просто барокко какое-то! Тела дорожают, души обесцениваются. Царь зверей становится царем вещей. Интеллектуалы пытаются эмансипировать разум, то есть лишить его божественной силы. И в этом смысле Джованни Кавальери – герой нашего времени, хотя на самом деле – позорная версия человека. Мы знали Неллу уродливой, несчастной, но это была настоящая Нелла. И не уродство, а дефицит божественности сделал ее легкой добычей колдуна. Джованни превратил ее в красавицу, однако эта красавица – не Нелла, это подделка, analogia entis[29 -

Подобие бытия (лат.).], и, раз ступив на этот неестественный путь, душа ее естественным и неизбежным образом оказалась во власти дьявола… красавица с ножом! Управлять красотой ничуть не легче, чем повелевать царством…

В зал вошел дон Антонио, и дон Чема умолк.

– Мессер, – проговорил субдатарий, с неглубоким поклоном протягивая инквизитору плоскую черную шкатулку, – вот документы, о которых говорил монсиньор кардинал. К письмам приложены векселя, которые вы можете предъявить нашим агентам в Урбино и Парме. Уверен, вы понимаете, что цель вашей поездки – поимка опасного еретика; содержание же миссии и ее детали, и в этом мы с его высокопреосвященством единодушны, разумно было бы оставить in petto[30 - В тайне; букв.: в груди (лат.).]. – Он сладко улыбнулся. – Ну и на прощание помянем великого Помпея: «Navigare necesse est, vivere non est necesse»[31 - «Плыть необходимо, а жить – нет» (лат.). Слова Помпея Великого, который в бурю отправился на корабле в Рим с продовольствием для голодающих соотечественников.].

Еще раз поклонившись, он вышел из зала бесшумным воровским шагом.

Когда мы спустились к мосту Сант-Анджело, солнце скрылось, пошел дождь.

Трупы преступников, вонявшие на всю округу, с моста убрали – кардинал Альдобрандини, который вдобавок к прочим носил титул коменданта крепости Сант-Анджело, требовал, чтобы мост содержался в чистоте.

Теперь мы ехали не одни – в окружении саксонской дюжины.

Скакавший впереди Капата одним своим зверским видом обращал прохожих в бегство, и вскоре мы без помех добрались до Колизея, откуда рукой было подать до цели.

Монастырь, где находилась Нелла, оказался довольно неказистой постройкой, примыкавшей к церкви Санта-Мария-Нуово, и, конечно, не шел ни в какое сравнение с высившимся напротив, на вершине Капитолийского холма, палаццо семьи Орсини, которые возвели свой огромный дом на обломках древнего театра

Марцелла.

Саксонцы спешились под навесом у входа, а нас, дона Чему и меня, пригласили внутрь.

Впереди шла монахиня со свечой в глиняной кружке.

У двери кельи нас ждал дюжий бородач в рясе с капюшоном.

– Navigare necesse est, – сказал он, испытующе глядя на инквизитора.

– Vivere non est necesse, – ответил дон Чема.

«Ночной пес» с поклоном открыл перед нами дверь.

В крошечное окно кельи едва проникал жидкий дневной свет.

Дон Чема взял у монахини кружку со свечой и поставил на столик у изголовья кровати, над которым висело распятие.

– Оставьте нас, сестра, – сказал инквизитор, а когда монахиня вышла, приказал «ночному псу»: – Никто не должен нас беспокоить.

Как только дверь закрылась, дон Чема откинул одеяло, и нашим взорам предстала Нелла, обнаженная, прекрасная и сонная.

– Какого цвета были ее волосы? – спросил дон Чема, низко склонившись над девушкой.

– Она была обрита наголо, мессер, а по отросшей щетине трудно судить…

– Да-да… тебе не кажется, что со вчерашнего дня она изменилась?

Я подошел ближе.

– Смелее, Мазо!

– Ну… бедра стали чуть шире… мессер, я не очень хорошо ее разглядел, поэтому могу и ошибаться… она как будто съежилась, стала меньше…

Дон Чема достал из кармана нитку с узелками и измерил Неллу.

– И пониже ростом, – сказал он. – Похоже, в отсутствие Джованни она опять стала меняться.

Нелла вдруг открыла глаза и приподнялась на локтях.

– Дети и собаки не доверяют тем, кто выше их, – сказал дон Чема, опускаясь на табурет. – Сядь, Мазо.

Мне пришлось устроиться на краешке кровати в ногах у Неллы.

– Ты помнишь, что произошло, Нелла? – спросил инквизитор, подавшись к ней. – Ты помнишь Джованни? Где он, Нелла?

Хотя голос дона Чемы звучал ласково, девушка испуганно сжалась, а потом вдруг метнулась в мою сторону, спряталась за меня, прижавшись всем телом к моему и крепко обняв обеими руками.

От ее запаха у меня закружилась голова.

Я попытался высвободиться из ее объятий, но безуспешно.

Дон Чема знаком велел мне сохранять спокойствие.

– Ты его знаешь, милая? – спросил он, указывая на меня. – Кто он?

Нелла как будто чуть-чуть успокоилась, ослабила объятия, а потом взяла меня за руку.

Меня ударила дрожь.

– Где ее сорочка? – спросил я потерянным голосом. – Нельзя ли ее одеть, мессер?

Дон Чема пошарил под подушкой, достал мятую сорочку из простого тонкого холста и протянул Нелле.

Поколебавшись, она взяла сорочку и, не выпуская моей руки, сползла с кровати.

Я был вынужден помочь ей.

Она повернулась ко мне, надела сорочку и вдруг улыбнулась.

– Виверна, – проговорила она, – сияние Виверны…

Мы с доном Чемой переглянулись.

– Виверна? – спросил инквизитор. – Что ты знаешь о Виверне, Нелла?

Но она игнорировала его вопрос, села рядом со мной и снова взяла за руку.

– Что делать, мессер? – спросил я. – Ведь так мы можем разговаривать хоть до Страшного Суда!

– Ты прав. – Дон Чема со вздохом встал. – Нам пора, Нелла, прощай.

Я встал, попытался отнять у Неллы свою руку, но она не отпускала. Я напряг силы, стараясь не причинить девушке боль, но Нелла вдруг застонала, потом закричала и бросилась на дона Чему. Мне удалось ее удержать, но при этом мы оба упали. Нелла ловко обвила меня руками, обхватила ногами, сорочка на ней задралась, обнажив бедра и ягодицы, и, когда я повернул лицо к ней, девушка впилась в мои губы с такой яростью, что я почувствовал вкус крови.

Не знаю, чем бы это кончилось, не раздайся с небес трубный глас инквизитора:

– Vade retro! Vade retro, satana![32 - Изыди, сатана! (лат.)]

Объятия ослабли, Нелла обмякла и отвалилась на спину.

Стоя на четвереньках, я с трудом перевел дух, дрожащими руками поправил сорочку, чтобы прикрыть если не пажити, то хотя бы храмы Неллы, и вопросительно посмотрел на хозяина.

– У нас нет выбора, Мазо, – сказал дон Чема, – не можем же мы бросить ее на съедение безумию.

Я горестно вздохнул.

Дон Чема постучал в дверь.

– Плащ с капюшоном, – приказал он «ночному псу». – И нашего капитана сюда. Живо! – Повернулся ко мне, топнул ногой. – За дело, Мазо, надо написать кардиналу, что мы везем Неллу в Виверну!

Поднявшись наконец на ноги, я сплюнул в ладонь – слюна была алой от крови, моей и ее крови, – и не раздумывая слизнул и проглотил плевок.

Мадонна Вероника, Нотта, наши конюхи, сторожа – все были немало удивлены, снова увидев Неллу, которая минувшей ночью в этом доме направо и налево разила железом людей, виноватых лишь в том, что попались ей на глаза.

Сомневаюсь, однако, что Нелла понимала, что делала ночью и где она находится сейчас.

Саксонцы сняли ее с коня и отнесли в комнату наверху.

Но даже в полубессознательном состоянии она держала меня за руку, поэтому мне пришлось подняться в ее спальню и дождаться, когда она забудется сном.

– А ведь нам понадобится хотя бы одна женщина, чтобы было кому ухаживать за Неллой, – сказал я, вернувшись к хозяину. – Путь предстоит долгий, и кто-то же должен все это время мыть ее, кормить, раздевать, одевать…

– Признаться, об этом я не подумал, – сказал дон Чема. – Можно попросить монахинь, но нам утром выезжать…

– Придумаем что-нибудь, – сказал я. – Доверьтесь мне, мессер.

Дон Чема удивленно хмыкнул, однако расспрашивать не стал.

У меня и впрямь был замысел, но его успех целиком зависел от Нотты.

Пока женщины хлопотали насчет ужина, дон Чема решил преподать мне урок военного дела: «Дорога – это всегда неизвестность».

Однажды, выпив за ужином лишнюю кружку красного «колли», он поведал, что носит на поясе кинжал, подчиняясь зову крови предков по отцовской линии – храбрых испанских вояк, но железу предпочитает слово Божье, как это было принято у предков по материнской линии – вестфальских католиков, восставших против безбожных мюнстерских коммунистов.

Дон Чема позвал меня в свой кабинет – огромную комнату со сводчатым потолком, где на столе, заваленном бумагами и книгами, меня ждал вместительный ларец с ручным оружием.

– Эти будут твоими, – сказал хозяин, выкладывая на стол два пистолета – маленький и большой. – Вот этот называется пуффер, его удобно прятать в одежде, но стрелять из него лучше в упор. – Дон Чема извлек из кармана ключ. – Этим ключиком заводишь пружину, после чего нажимаешь курок, колесико вращается, высекая из кремня искру, которая воспламеняет порох, и происходит выстрел. Надежное оружие, хотя приходится довольно часто менять колесико – оно истирается кремнем – и следить, чтобы в механизм не попадала грязь. Дорогая игрушка… – Он взял со стола большой пистолет. – А из этого можно убить врага за пятьдесят шагов. Ставишь курок с кремнем в такое положение – называется предохранительный взвод, – открываешь крышечку, насыпаешь на эту полку немного пороха – ближе к затравочному отверстию, опускаешь крышку, взводишь курок для выстрела… К сожалению, он часто дает осечки, зато прост, дешев и в отличие от безжалостного пуффера позволяет не видеть лицо человека, которого ты убиваешь…

Под руководством дона Чемы я чистил стволы пистолетов, заряжал, взводил курки, целился, а потом он позволил мне выстрелить в спинку кресла из пуффера и дважды в открытое окно – из большого рейтарского пистолета.

– Если, не дай бог, дойдет до драки, Мазо, ты должен поразить цель с первого выстрела, на второй у тебя не останется жизни. В таких делах важно не зевать и не пытаться превзойти в милосердии Господа. Ты должен все слышать, все видеть, и тогда чутье не подведет тебя. Понимаешь?

– Кажется, да, мессер. Раньше я не умел смотреть, но даже не подозревал об этом. Брат Ансельмо – он учил меня латыни – однажды подвел меня к фреске с волхвами и спросил, что тут изображено, а я даже не понял, о чем это он. Хорошо, сказал брат Ансельм, что это? И указал на животное. Вы не поверите, но я как будто ничего не видел! Это осел, сказал брат Ансельм, и тогда я увидел осла. Помню, как был удивлен… А потом с тем же самым я сталкивался, когда имел дело с простецами, minores. Они смотрели и не видели. В обычной жизни они видели осла, а на картине – нет…

– Хм, это не совсем то, что я имел в виду, но наблюдение любопытное, – сказал дон Чема. – Помнишь картину, которую ты нашел в доме Джованни Кавальери?

Он вытащил из вороха бумаг холст, свернутый в трубочку, и расправил его на столе.

Это был портрет большеголовой узкоплечей девушки в платье того красного цвета, который принято называть терракотовым, с синей шнуровкой на груди. Края ее рубашки были стянуты крошечной жемчужиной. Прямой пробор разделял гладко расчесанные каштановые волосы, два вьющихся локона спускались по обеим сторонам лба. Ее широкоскулое лицо с узкими глазами было бледно, как у больной, но при этом словно источало ровный неяркий свет.

– Это работа Леонардо?

– Леонардо обязательно написал бы ее с руками – он на них помешан, – возразил хозяин. – Что тебя смущает, Мазо?

– Взгляд, – пробормотал я.

– Взгляд, – сказал дон Чема. – Но это не равнодушие…

– В этом взгляде Бог не противостоит дьяволу, а как будто сливается с ним…

– Наверное, это и есть последняя правда о человеке ipse est[33 - Каков он есть (лат.).], самая бесчеловечная правда, какую только мог выразить человек, и она ужасает. Впрочем, беда или счастье в том, что в точности мы никогда не узнаем, что хотел сказать художник и хотел ли, и так и будем болтаться между домыслом и вымыслом, догадкой и знанием…

– Может, это и к лучшему? Слава богу, Прометей лишил нас дара предвидения, говоря вашими же словами. А кто эта женщина?

– Не знаю. – Дон Чема усмехнулся. – Гораздо интереснее другой вопрос: откуда у Джованни Кавальери этот портрет? Это старая работа, уж поверь мне, и стоит она никак не меньше тысячи дукатов.

Я ахнул: за тысячу дукатов в Риме можно было купить четыре неплохих дома в районе рынка святой Агнессы, рядом с дворцами Памфили, а на сдачу создать запасы хорошего вина лет на пять-шесть.

– Вот вопрос: где и как он ее добыл? – продолжал дон Чема. – Украл? У кого?

– Если хотя бы один инквизитор из ста, – проворчал я, – обладает такой же широтой интересов и глубиной познаний, как вы, мессер, то Церкви не о чем беспокоиться.

Тем вечером я впервые своими глазами увидел хохочущего инквизитора.

За ужином дон Чема попросил мону Веру сесть не за два стула от него, а рядом с ним, весь вечер был особенно предупредителен, а после трапезы проводил домоправительницу в ее спальню, где и остался на ночь.

Это случилось впервые на моей памяти.

– Его не узнать, – пробормотал я.

– Тебя тоже, – сказала Нотта, и в ее голосе прозвучала обида. – Тебе не кажется, что нам надо поговорить?

– Конечно, – сказал я. – Не знаю, с чего начать…

– С ответов, – сказала она. – У меня много вопросов, Мазо.

Мы поднялись в спальню, и там-то и выяснилось, что ее вопросы не имели никакого отношения к поездке в Парму: Нотта изнывала от ревности.

Едва за нами закрылась дверь, как малышка набросилась на меня с упреками:

– Ты держал ее за руку! Ты поднялся с нею в спальню! Ты укладывал ее спать! Ты трогал ее? Целовал? Миловал? Я тебе больше не нужна! Конечно, она нормальная, а я…

Стоило большого труда унять ее, но когда она успокоилась, села ко мне на колени, обняла за шею и потребовала «всей правды», я вдруг понял, что попал в безвыходное положение.

Я не мог рассказать ей о Нелле, о том, что произошло с дочерью кардинала Альдобрандини, о Джованни Кавальери и о его способности преображать женщин. Я ведь и сам все еще не был до конца уверен, что он обладает этим даром. И мне не хотелось вселять в Нотту надежду на избавление от уродства, ибо только Богу ведомо, что с нами произойдет, окажись эта надежда несбыточной, ложной.

Ну и, конечно, я, как и дон Чема, был связан обетом молчания, нарушение которого превратило бы меня во врага Святого Престола, в изгоя и преступника, в добычу «ночных псов» дона Антонио. Но и об этом я не мог даже обмолвиться.

Я оказался между Сциллой и Харибдой.

У меня не было товарищей, которыми я мог бы пожертвовать, как Улисс, чтобы спастись от Сциллы; кощунственно было бы взывать к языческой Фетиде, которая помогла бы мне, как Ясону, избегнуть смерти в пасти Харибды; оставалось положиться на здравый смысл, который повел Энея окольным путем,

чтобы миновать и Сциллу, и Харибду.

– Нотта, – сказал я, целуя ее детскую ручку, – выслушай меня, малышка, только выслушай внимательно, – сказал я, лаская правой рукой ее бедро, а губами касаясь ее душистого плечика и отгоняя видение нагой Неллы, – потому что это очень, очень важно, – сказал я, проникая в нее пальцем, как Эней в Дидону, а кончиком языка касаясь ее соска, – от этого зависит наша судьба, – сказал я, приподнимая ее бедра и, когда она обхватила меня за шею, входя в нее, как Ахиллес в Брисеиду, – поэтому ты должна верить мне, верить безоглядно, всей душой, всем существом, как верят любящие, сливающиеся, принимающие друг друга, как cunnus принимает penis, верить, верить, верить. – И на каждое мое слово она отвечала все громче, громче, громче, пока наши голоса не слились в вопле…

Не знаю, сколько прошло времени, но, когда мы очнулись, Нотта проговорила с тихим смехом:

– Верю, ибо абсурдно, даже если хозяин отправит меня на костер.

– Не отправит, – сказал я. – Ты ему нужна. Нам нужна. Ты поедешь с нами в Парму, будешь присматривать за нашей больной. И если все сложится, как я задумал, ты станешь самой счастливой женщиной на свете.

– Ты раздобыл секрет магистериума?

– Лучше, стократ лучше! Просто верь мне и ни о чем не спрашивай, потому что о самом важном я поклялся молчать, чтобы не навредить нам обоим.

– Хорошо, светлоликий мавр, – после непродолжительного раздумья сказала она, лукаво улыбаясь, – а теперь приготовься к встрече с дочерью катайского хана…

Я с облегчением вздохнул и лег на спину, чтобы в позе Медора сполна насладиться торжеством здравого смысла, пока Анжелика скачет верхом по цветущим лугам Амура.

Мы покинули дом затемно.

Мадонна Вероника заранее позаботилась о провизии, одежде и транспорте для нашей больной, поэтому утром нам осталось только усадить Неллу и Нотту в телегу, вскочить на коней, построиться в походный порядок и двинуться в путь – впереди меднолобый Капата, за ним дон Чема и я, окруженные саксонцами, за нами повозки с женщинами и дорожными припасами, а замыкали строй двое надежных воинов – тощий Крукко в островерхом шлеме и квадратный Калабрага в берете набекрень.

Я оглянулся, когда мы проезжали ворота, – посреди двора в окружении слуг стояла мона Вера – высокая, прямая, она смотрела нам вслед, но лицо ее было бесстрастным, как и у дона Чемы, который смотрел перед собой.

Это был тот редкий случай, когда домоправительница надела золотой наволосник – подарок хозяина, и все это заметили. А ее руки обтягивали наимоднейшие перчатки из куриной кожи, стоившие дону Чеме, наверное, не меньше, чем хороший пуффер.

Сердце мое сжалось, когда я подумал о доне Чеме и мадонне Веронике, не проронивших ни вздоха при прощании.

И никогда я не видел, чтобы дон Чема так сильно хромал, когда шел к своему коню.

Я замедлил ход, поравнялся с телегой и заглянул под навес, но Нотта и Нелла крепко спали, обнявшись во сне, и я пришпорил коня, чтобы догнать господина.

У подножия Авентинского холма Капата свернул в какой-то тесный проулок, и вскоре мы остановились, упершись в древние развалины, поросшие кустами и деревьями.

Капитан послал одного из саксонцев на разведку, а когда тот вернулся, зажег факел и медленно поехал вперед. Мы последовали за ним, то и дело уклоняясь от веток, и через сто шагов оказались под низкими сводами, с которых свисали пряди мха. Под ногами коней плескалась вода.

– Не хотелось бы привлекать внимание случайных людей, – невозмутимо объяснил дон Чема. – Мы должны остаться живыми, а не прославленными.

Забегая вперед, замечу, что этим принципом дон Чема руководствовался на протяжении всего нашего пути, поэтому мы объехали стороной и Перуджу, и Урбино, не стали появляться и в Парме.

Подземелье тянулось, кажется, подо всем Римом. По бокам то и дело открывались входы в другие тоннели, наш потолок то понижался, заставляя всадников ложиться на конские шеи, то вдруг пропадал высоко во тьме. В некоторых местах мы оказывались на пересечениях тоннелей с Великой Клоакой и ускоряли шаг, чтобы сбежать от запаха нечистот, бурлящими потоками стремившихся к Тибру. Несколько раз нам приходилось спешиваться, чтобы помочь лошадям, тянувшим повозки через каменные осыпи. Иногда на стенах встречались изображения креста и надписи по-гречески, по-еврейски и на неведомых языках. Под ногами хрустели черепа и кости безвестных мучеников, нашедших смерть в римских катакомбах. Журчала вода, попискивали летучие мыши, пахло гнилью.

Только в полдень мы выбрались к свету и оказались на Кассиевой дороге, которая вела на север. Нам была нужна Америнова дорога, ответвлявшаяся от Кассиевой и проложенная до Перуджи.

– Deus vult![34 - Такова воля Божья! (лат.)] – сказал дон Чема, пуская коня короткой рысью.

Я никак не ожидал, что дон Чема относится к нашей миссии с такой же серьезностью, с какой 26 ноября 1095 года христиане, участники Клермонского собора, на призыв папы Урбана II освободить Иерусалим и Гроб Господень ответили: «Deus vult!», таким образом объявив о начале Первого крестового похода. Враг наш был, конечно, человеком опасным, но не дьяволом же! Не магометанином!

От изумления я перекрестился.

Глядя на меня, осенили себя крестом и саксонцы.

Только после этого мы пришпорили коней, чтобы не отстать от дона Чемы.

Впрочем, мы не торопились, чтобы за нами успевали повозки с женщинами и припасами.

Едва начинало смеркаться, как отряд останавливался на ночлег. Загоняли телеги в рощу или древние развалины, ужинали и ложились спать, выставив караульных. Поднимались до света, чтобы к полудню одолеть большую часть намеченного пути.

Иногда капитан посылал в ближайшую деревню или городок лазутчиков, чтобы разузнать, не ждет ли нас встреча с каким-нибудь разорившимся дворянином, который во главе банды отчаянных молодчиков грабит проезжих, и, если такая опасность не исключалась, мы выбирали окольные пути и держали мушкеты и пистолеты наготове.

Недостатка в провизии и вине у нас не было: вяленое мясо и сыр мы везли с собой, а овощи наши лазутчики добывали в попутных деревнях. Дон Чема и вовсе обходился пищей бродячих студентов – горстью миндальных орехов, ломтем хлеба с салом и кружкой вина.

Поначалу мы с Ноттой устраивались на ночлег под повозкой, в которой спала Нелла, но кардинальская дочь даже сквозь сон слышала наше учащенное дыхание, начинала ворочаться и стонать, словно передразнивая мою малышку. Поэтому мы стали ложиться под телегой с припасами, занимались любовью, заботясь более о наслаждении, чем об искусстве, и засыпали, окутанные запахами ветчины и сыра.

Каждый день дон Чема готовил успокоительное питье для Неллы, которое Нотта давала ей с вином, после чего большую часть времени девушка проводила в полудреме. Если она начинала беспокоиться, Нотта звала на помощь меня. Я брал Неллу за руку, и она затихала.

Однако ни мелкие дорожные невзгоды, ни настоящие или мнимые опасности, ни ласки моей малышки, ни пейзажи Умбрии не могли отвлечь меня от мыслей о ближайшем будущем. Я думал только о том, как устроить встречу Нотты с Джованни Кавальери, не вызвав при этом неудовольствия дона Чемы, и нередко эти размышления доводили меня до отчаяния.

Слишком много неопределенного, смутного было в нашем деле.

Прежде всего, никто не был уверен, что Джованни Кавальери находится в монастыре Святого Вита. А если он там, то может сбежать, узнав о нашем прибытии.

Прямых доказательств его причастности к похищению Антонеллы ди Ротта-Мональдески и ее преображению у нас не было. Единственная живая свидетельница не помнила даже своего имени, а тетради с записями, обнаруженные в доме на Аппиевой дороге, могли и не принадлежать Джованни.

Ну и главное – мы не знали и не могли знать, обладает ли горбун волшебным даром, является ли он miraculum naturae, а если является, захочет ли в этом признаться. Он ведь может просто развести руками и сказать: «Сам не понимаю, как уродина превратилась в красавицу, но я тут ни при чем, синьоры». И ни арест, ни пытки не помогут, если он будет стоять на своем, уж я-то насмотрелся на упрямых еретиков, не боящихся ни железа, ни огня.

А тогда напрасны мои надежды на неведомую силу, которая помогла бы Нотте избавиться от уродства…

Эту страшную мысль я гнал от себя, но перед сном она неизменно посещала меня, повергая в печаль.

Воображение подсовывало картину за картиной моей встречи с Джованни втайне от дона Чемы. Я пытался склонить художника к помощи Нотте, расписывая ее мучения и достоинства; я умолял его, стоя на коленях и хватая за руки; я угрожал ему пуффером, как наяву слыша стрекочущий звук спускового механизма; я предлагал ему двести дукатов – все мои сбережения; он смеялся, требуя Нотту в безраздельное владение; он хмурился, сомневаясь в успехе; он был полон сочувствия; он был равнодушен; он превращал Нотту в Неллу; он соглашался; он отказывал…

Каждый день я заводил разговор с доном Чемой, пытаясь выведать его намерения. Больше всего я боялся, что, едва переступив порог монастыря Святого Вита, инквизитор набросится на Джованни, закует его в железо и запрет в клетке. Тогда мне придется вступить в сговор с опасным преступником, чтобы устроить его побег, а потом… но тут мой разум начинал топтаться на месте, останавливался на пороге безумия и трубил отступление…

Однако из слов дона Чемы я заключил, что у него нет ясного представления о судьбе Джованни, если он, по своей воле или нет, окажется во власти инквизиции.

– Одно несомненно, – сказал хозяин. – Я должен с ним обстоятельно поговорить, прежде чем предпринимать какие бы то ни было действия. И не думаю, что в данном случае следует прибегать к насилию, например к пыткам. Чудеса природы, может быть, и не взывают к благоговению, но внимания и понимания они заслуживают. Хотя пытки, например, «колыбель Иуды» или «аист», уж поверь, часто оказывают самое благотворное влияние на душу заблудшего, напоминая ему о пределах безблагодатной плоти…

Его слова, конечно, служили утешением, хотя и слабым.

Дни стояли дождливые, а когда выглядывало солнце, виноградники на холмах расцветали желтым и красным, масличные рощи окутывались тонким паром, морионы саксонцев и наконечники копий сверкали золотом и серебром, и в прозрачном осеннем воздухе плыли паутинки.

Солнце, впрочем, показывалось все реже.

Целыми днями я трясся в седле рядом с доном Чемой, под глухой стук копыт отдаваясь течению безрадостных мыслей.

Я пытался читать книгу Авсония Сидонского, которую нашел в доме на Аппиевой дороге. Сочинение это требовало сосредоточенного внимания, на которое, однако, я в те дни не всегда был способен.

Иногда набегали воспоминания о горном монастыре на севере Пьемонта, где я, не знавший родителей и в младенчестве воспитывавшийся в женской обители, жил до четырнадцати лет.

Скудная еда, плохая одежда, холодная пыльная библиотека, где я провел столько приятных часов, братья, учившие меня языкам и стрельбе из лука по птицам, которых монахи тайком от настоятеля жарили и пожирали в лесу, запивая пивом и приговаривая: «Больше всего бесов – в бороде святого».

Пиво приносили крестьянки – пожилая muddi[35 - Мамаша (нем.).] Марта и молодая muddi Катарина, про которых говорили, что они трудятся на благо монастыря по обету. Они занимались стиркой и починкой одежды, помогали в кухне брату Марко, а если после всех трудов их постигала беременность, то плоды ее они сбывали в монастырский пруд.

Однажды muddi Катарина заманила меня в кладовку, где хранились хомуты, веревки и мешки, и часа через два я знал о женщинах больше, чем хотелось бы.

Вспоминался аббат дон Умберто, гневливый, отходчивый и усталый толстяк, оживлявшийся лишь после стаканчика подогретого красного с пряностями.

Он был большим ценителем древностей. По поручению епископа аббат объезжал монастыри, нуждавшиеся в надзоре, и не было случая, чтобы он вернулся из поездки без добычи – манускриптов с трудами Аристотеля, Платона или Сенеки, каким-то образом попавших в пьемонтские и савойские обители. Дон Умберто попросту выносил книги из монастырских библиотек в глубоких карманах своей сутаны, называя свои деяния не воровством, а богоугодной translocatio[36 - Перемещение (лат.).].

Братья посмеивались над страстью дона Умберто к старым книгам, ничего не прибавляющим к знанию о мире, которым владеет Господь, на что аббат отвечал: «Богу не нужна память – Он наделил ею смертных, чтобы мы дорожили вечностью».

Это ведь он, дон Умберто, рекомендовал меня в качестве помощника своему старому другу дону Чеме, который увез юного послушника в Рим…

Наступил октябрь, ночи становились все холоднее, и наконец Нотта предложила перебраться в повозку, чтобы не спать на земле. Дождавшись, когда Нелла крепко уснет, мы сливались в объятиях. В тесноте, конечно, мы то и дело толкали ее, и она начинала мычать, метаться, срывать с себя одежду, хватать нас за руки и другие члены, и временами мне казалось, что я предаюсь усладам одновременно с двумя женщинами.

С ухудшением погоды посыпались жалобы на здоровье.

Саксонцы чихали, кашляли, у меня разболелись зубы, а Нотту то и дело рвало.

Пытаясь избавить ее от тошноты, я следовал совету Цельса, который от болей в животе и для улучшения пищеварения рекомендовал чтение вслух, однако ни Плиний, ни Данте не помогали.

Но когда я попросил дона Чему, служившего в нашем отряде еще и лекарем, заняться малышкой, раздался вдруг голос Неллы:

– Да ничего особенного с ней не случилось – просто она на сносях, мессер.

От неожиданности мы остолбенели.

Мы уже начинали терять надежду на выздоровление Неллы, и вдруг оказалось, что она все видела, все слышала, все понимала и легко могла все выразить.

Неужели она прикидывалась безумной?

Однако стоило дону Чеме подступить к ней с вопросами, как она снова впала в прежнее состояние.

За эти дни Нелла заметно изменилась – она убавила в росте, раздалась в бедрах, потеряла в груди, волосы ее приобрели золотистый оттенок – и стала еще больше похожа на Нотту.

Когда я сказал об этом малышке, она насмешливо фыркнула:

– Какой наблюдательный! Лучше следи за своим младшим другом, чтобы однажды ночью он не ошибся дверью!

Мне не понравилась шутка, во-первых, потому что Нотта угадала мое тайное желание, а во-вторых, из-за ее упорного нежелания открыть свою беременность. Скажи она мне, что у нас будет ребенок, я бы сделал все, что в моих силах, чтобы мысли о Нелле тихо сидели in der M?se an der Ratte[37 - В пизде у крысы (нем.).], как выражался капитан Капата, когда хотел указать самое потаенное место на земле. Однако малышка молчала, да и внешне она ничуть не изменилась, и я начинал думать, уж не ошиблась ли Нелла, и из-за этого меня не покидало раздражение.

Полубольные, полусонные, обремененные двумя красавицами, якобы сумасшедшей и вроде бы беременной, в середине октября, когда Церковь поминает мучеников Асклепиада, Афинодора и Иуста, мы наконец увидели зубчатые стены и башни монастыря Святого Вита, выступавшие из вечернего тумана, который окутывал лесистый холм и клубился в низинах.

– Вот и завершились наши мучения! – воскликнул Капата, привстав в стременах.

– Кажется, они только начинаются, – процедил сквозь зубы дон Чема.

Вдруг из-за холма появилось некое длинношеее существо, которое, взмахивая громадными перепончатыми крыльями, сделало круг над башней и скрылось в тумане.

Но, кажется, видел это только я – остальные уже гнали коней вскачь, спеша к монастырским воротам.

Может быть, мне все это почудилось – немудрено после стольких тягот.

И я пришпорил лошадь.

Монастырь Святого Вита был основан братьями Гульельмо и Энрике из Пьяченцы, лекарями, которые помогали женщинам, подверженным alienatio mentis[38 - Помрачение рассудка (лат.).]. Вскоре, однако, сюда стали свозить не только тех, кто страдал эпилепсией, деменцией или умственным буйством, но и девочек с врожденным вывихом бедра, горбом или хейлосхизисом, называющимся также волчьей пастью, которых было проще бросить в лесу, чем выдать замуж.

Когда-то здесь, на холме, стоял храм Юноны. В Темные века он был превращен в замок мелкого феодала, погибшего в крестовом походе и не оставившего наследников. На его гербе была изображена красная виверна. Замок переходил из рук в руки и обветшал. Монахи привели его в порядок, возвели церковь во имя Богородицы и приют для больных с аптекой, садом и огородом, где выращивались лекарственные растения.

Над главным входом в монастырь висел большой щит, на котором были изображены святые братья-лекари, попирающие босыми ногами поверженную алую виверну, – она символизировала Болезнь.

Позднее к зданию приюта пристроили гостиницу, выходящую фасадом за стену монастыря, – в ней нас и поселили.

В монастыре были свободные кельи, но доступ в них нам был запрещен, поскольку мы не могли расстаться с оружием – и по соображениям безопасности, и по меркантильным причинам: наши мушкеты стоили сто дукатов каждый, за морион же капитана, по словам самого Капаты, он выложил аж десять флоринов, потому что его шлем был выкован из цельного куска испанской стали, а не склепан из железных ошметков, как дешевые доспехи новобранцев.

Днем мы могли свободно попасть в госпиталь по галерее, которая соединяла здания на высоте второго этажа, а оттуда – в монастырский двор, но после вечери дверь галереи запиралась, как и главные ворота обители, и постоялец гостиницы мог выйти только в лес, подступавший к зубчатым стенам со всех сторон.

На наше счастье, приют и гостиница хорошо отапливались, тогда как обитатели монастыря, включая приора, были вынуждены пользоваться жаровнями и кутаться в суконные плащи.

Нотта взялась за приготовление ужина и поставила воду на огонь, чтобы впервые за три недели женщины могли помыться.

Дон Чема отправился к приору, приказав мне, пока он будет беседовать с доном Эрманно, «разузнать, чем дышит монастырь».

Жители Бергамо называют дубину по-своему – bastu.

В монастыре Святого Вита это прозвище носил молодой бергамец огромного роста и свирепого вида, отличавшийся, однако, добрым и веселым нравом.

Брат Басту отвечал за гостиницу, жил в маленькой захламленной келье с окошком на лес, любил в хорошей компании поболтать о женщинах и чудесах.

Знакомство наше с чудес и началось: я рассказал о драконе с перепончатыми крыльями, который облетел монастырь и скрылся в тумане.

– Путь наш был нелегким, – добавил я, – может, моему усталому уму это пригрезилось…

– А может, и нет, – откликнулся брат Басту, доставая из бочонка, заваленного пустыми мешками, тяжелый кувшин и разливая вино по высоким кружкам. – Как появился у нас этот горбун, так все тут и стало меняться…

Сам он горбуна не видел – слышал о нем от брата Нанни, которому отец приор приказал врачевать пришельца: горбун потерял много крови, получив глубокое ножевое ранение. Поместили его не в госпитале – в келье, освободившейся после кончины брата Эмилио, давно страдавшего ветхостью. Вскоре горбун пошел на поправку, однако до сих пор он не появляется на людях.

– Может, он тут и ни при чем, – продолжал брат Басту, подливая в кружки вина, – но именно в тот день сперва я, а потом и брат Эннио увидели дракона, который пролетел над обителью так низко, что можно было сосчитать чешуйки на его брюхе. Мы, конечно, рассказали об этом отцу приору, но он сказал, что это был не дракон, а виверна, и велел нам помалкивать, чтобы не смущать братию и наших aegros[39 - Подопечные (лат.).]. А следующей ночью мне явилась женщина… – Басту помолчал. – Над бергамцами, конечно, принято подшучивать – нас считают вралями, недотепами и недоумками, – но дай слово, брат Мазо, и поклянись этим вином дружбы, что не станешь смеяться над моей историей…

Конечно же, я дал слово и поклялся, после чего мы снова выпили вина дружбы, и Басту, глядя мне в глаза и твердой рукой сотворив крестное знамение в знак того, что с этой минуты не скажет ничего, кроме правды, продолжал свой рассказ:

– Тутошняя жизнь, брат Мазо, исполнена соблазнительной двусмысленности. С одной стороны, мы живем в мужском монастыре, а с другой – ухаживаем за женщинами. И многим из нас приходится каждый день видеть женскую наготу, хотя чаще всего это ужасная, уродливая нагота, вызывающая отвращение, а не

желание. Завтра после ранней заутрени ты и сам сможешь взглянуть на этих женщин – их привезут в обитель, чтобы вверить попечению братии. Не всех мы можем принять, ведь среди них немало и тех, кто нуждается только во внимании и терпении, и таких брат Уго – ему поручено заниматься отбором – либо отправляет восвояси, либо во чрево amor machina. Ее ты, может быть, увидишь в деле, но сейчас я не об этом. Иногда люди не хотят увозить отсюда отвергнутых нами женщин и бросают их неподалеку, в лесу, на съедение диким зверям, и это создает немалые трудности… Впрочем, об этом позже… – Брат Басту тяжело вздохнул. – Запомни, брат Мазо, о том, что произошло со мной, я никому не рассказывал. Никому.

На всякий случай я перекрестился.

– Тем вечером, когда это случилось, я готовился ко сну. Не выпил ни капли вина – не умею веселиться в одиночку. Помолился, разделся и уже собрался было задуть свечу, как вдруг нечто помешало мне. Свеча, как видишь, стоит в плошке у изголовья моего ложа. До нее – два шага. Я шагнул и уперся во что-то твердое, но мягкое… Провел рукой сверху вниз и остановился… Никого и ничего перед собой я не видел, но ладонь моя, брат Мазо, легла на голые ягодицы, в этом не было ни самомалейшего сомнения… Я отдернул руку, перевел дыхание, а потом, перекрестясь, снова коснулся незримой преграды – на этот раз выше… Пальцы мои почувствовали тепло, нежность и упругость женской груди… – Басту помолчал, пытаясь справиться с волнением. – И вдруг тот, кто стоял передо мной и кого я не видел, несильно толкнул меня, как человек, наклонившийся к свече, чтобы задуть огонек, а когда свеча погасла, обнял за шею… – Монах с силой провел ладонями по лицу, словно стирая с него что-то. – Я молился вслух, осеняя пустоту святым крестом, но ничего не помогало. Мы сочетались как мужчина и женщина, и это был не coitus[40 - Соитие (лат.).], брат, а восхитительное confluens[41 - Слияние (лат.).], уж поверь… – Он вдруг вскинул голову и посмотрел на меня расширенными глазами. – Кто это был? Кто, Мазо? Суккуб? Дьявол в женском обличии?

– Если верить ученым книгам, – заговорил я, тщательно подбирая слова, – дьявол в образе суккуба прельщает мужчину видимым образом, при этом суккуб, как правило, обладает когтистыми ступнями, а иногда и крыльями…

– Нет! – вскричал Басту. – Ни когтей, ни крыльев, поверь, друг Мазо, ни чешуи, ни шерсти! Я не видел ее, но сжимал в объятиях и готов даже на Страшном суде утверждать, что она – само совершенство, она безупречна, она… – Он вдруг

поник.

– Брат, – сказал я как можно мягче, – если рассуждать здраво, твой грех не так и велик. Это не raptus, не stuprum, не incestus и не adulterium, а всего-навсего formicario[42 - Изнасилование, совращение, кровосмешение, прелюбодеяние, блуд (лат.).], наименьший из грехов похоти. Аристотель относит такой грех к первому разряду, считая его результатом невоздержанности, а Данте…

– Я боюсь ада, – перебил меня Басту, внезапно побледнев, – боюсь до икоты, Мазо, до сердечной боли, до рвоты и поноса. Меня преследует видение обнаженной сисястой и жопастой Luxuria[43 - Похоть (лат.).] с роскошными волосами, она сидит верхом на свинье, ее tits и cunnus[44 - Груди и вагина (лат.).] пожирают змеи и жабы, а я… – Он сглотнул. – А я люто завидую этим тварям и готов целовать и эту грязную свинью, и этих ужасных змей, и этих мерзких счастливых жаб…

Я молчал, пораженный: глаза Басту были полны слез.

– У меня под подушкой припрятан нож, но не хватает решимости проверить, горяча ли ее кровь… – Язык его заплетался, хотя выпил здоровяк не больше моего. – Душа моя сокрушена, брат Мазо, сама мысль о том, что я сошелся с бесплотным существом, с призраком, порождением ада, сводит меня с ума… и лишает сил…

Он уронил голову на руки и замер.

Немного выждав, я тронул его за плечо, но Басту не шелохнулся – он спал крепким сном мерзкой счастливой жабы.

Кувшин с вином я спрятал в бочонок, но свечку гасить не стал.

Разговор с Басту пробудил во мне голод, поэтому первым делом я решил подкрепиться остатками ужина, который приготовила Нотта, и отправился в кухню.

Рядом с очагом меня ждал горшок с кашей, заботливо укрытый тряпьем, а за столом – задумчивый дон Чема перед кувшином с вином.

– Что ж, – сказал он, когда я устроился с горшком и ложкой напротив него, – твоя очередь утолять голод, моя – рассказывать.

– Что-то вы невеселы, мессер, – заметил я, погружая ложку в кашу.

Он покачал головой.

– Приезд Джованни многое здесь изменил. Это беспокоит отца приора и усложняет решение задачи, поставленной перед нами его высокопреосвященством кардиналом Альдобрандини…

Оказалось, что в монастыре Святого Вита давно знают Джованни Кавальери: как рассказал дон Эрманно, лет пять назад этот художник с двумя помощниками занимался здесь росписью часовни при госпитале, а также обновлением фресок в монастырском храме Святой Девы.

По словам приора, уже тогда в нем замечались дерзость и высокомерие, однако результаты его работы были выше всяческих похвал.

Никто тогда не придал значения словам старого ворчуна брата Эмилио, который назвал изображенные мастером лица и фигуры «чересчур живыми».

Получив причитавшуюся ему плату, Джованни покинул монастырь, и только вечером обнаружилось, что из госпиталя пропала одна из пациенток – девушка по прозвищу Куколка, страдавшая редкой болезнью, которой присуща flexibilitas cerea – восковая гибкость. Ей можно было придать любую позу, даже самую неестественную, и Куколка оставалась в этой позе часами. Вдобавок она не умела говорить своими словами, а только повторяла чужие, как эхо.

По просьбе приора местные жители послали в погоню за Джованни крепких молодцев, и через два дня они вернулись с Куколкой, совершенно здоровой, веселой и в своем уме. Мастера же и его помощников след простыл.

Брат Нанни, осмотрев девушку, пришел к выводу, что она излечилась благодаря милости Божией и пережитому потрясению, хотя был вынужден признать, что впервые в жизни встречает такое зримое проявление воли Господней.

Вскоре, однако, выяснилось, что Куколка превратилась в одержимую – она приставала к мужчинам без разбору, молоды они или стары, монахи или крестьяне. В конце концов она сбежала с каким-то бродягой, за что братия возблагодарила Господа.

Спустя неделю брат Нанни доложил отцу приору, что фигуры на росписях в больничной часовне время от времени меняются местами. И если отсутствие Иосифа Аримафейского в сцене снятия Иисуса с креста смутило дона Эрманно, то Иуда на кресте вызвал приступ гнева. Приор приказал немедленно переосвятить часовню и сам возглавил службу. Фигуры вернулись на свои места и перестали смущать умы монахов и больных.

– Стоило, однако, Джованни вновь приехать в обитель, как опять начались неприятности, – сказал дон Чема. – Фигуры в часовне снова затеяли чехарду, обитательницы приюта взбудоражены, монахи растеряны, дон Эрманно озабочен…

– Ну да, – сказал я, вытирая губы рукавом, – post hoc ergo propter hoc…[45 - После этого, следовательно, по причине этого (лат.). Школьный пример типичной логической ошибки.]

– Понимаю твою иронию, Мазо, но сейчас она мне кажется неуместной, особенно в свете событий, участниками которых мы с тобой были в Риме. И в данной ситуации опасно игнорировать мнение большинства, пусть даже ошибочное: пока человек думает, толпа действует.

В его голосе не было и тени раздражения – только усталость.

– Простите, мессер…

Дон Чема кивнул.

– Твоя очередь, Мазо. Что тебе удалось узнать?

Выслушав мой рассказ о горбуне, виверне и невидимой женщине, дон Чема сказал:

– В испанском языке встречается выражение a verguenza ajena – стыд за другого, за чужого. Британцы и немцы называют это испанским стыдом. Именно это чувство я испытываю, когда вижу и слышу, как люди – кто с наслаждением, кто со сладостным отвращением к себе – предаются греху. Все мы грешны, все мы рано или поздно, часто или однажды ступаем на путь греха. И тут важно помнить слова поэта: свободен первый шаг, но мы рабы второго. Мне стыдно за Басту, но я сочувствую ему, потому что он колеблется, мучается, сознавая греховность своих поступков, и все еще не сделал второго шага. Мне стыдно за Джованни Кавальери, но на сочувствие к нему у меня, кажется, не осталось сил…

– Понимаю, что мы уже не раз об этом говорили, – сказал я, – но все же снова спрошу, хоть и боюсь показаться назойливым, упрямым и нерадивым слушателем. Чем же грешен Джованни? И чем его поступки отличаются от того, что делает Церковь, взывающая к положительно прекрасному человеку в каждом человеке? Она ведь тоже настаивает на своем идеале, а иногда, уж простите меня, мессер, просто-таки навязывает его людям!..

Дон Чема выдержал паузу, прежде чем ответить.

– Ты ведь знаешь, Мазо, что евангелисты и апостолы употребляли разные слова, когда говорили об одном и том же, – о грехе, различая его формы, оттенки и степени…

– Хамартия, паракоэ, парабасис, параптома, аномия, офейлема, адикия, – перечислил я тоном первого ученика. – Слово «хамартия» греки употребляли, когда говорили о промахнувшемся лучнике, «офейлема» – о человеке, не способном вернуть долг…

Дон Чема поднял палец, и я умолк.

– По моему разумению, важнейшим следует считать понятие парабасиса. Во времена Аристотеля так назывался театральный прием – отступление от действия, никак не связанное с сюжетом пьесы, когда хор как бы в нарушение всех правил поворачивался лицом к зрителям и выступал от имени автора

комедии, бичуя общественные пороки и воздавая хвалу языческим богам. Среди значений этого слова – «идти поперек», «выходить за пределы», «переступать черту», «сознательно нарушать закон», «вступать в запретную область». Вот почему апостол Павел в Посланиях к Римлянам и Галатам использует его как синоним понятия «преступление». Мы, грешники, еще не потеряны, если не переступили черту, не сделали второго шага ко злу, и до той поры нас можно мерить тою же мерою, что и Ангела. Мы отравлены dolus malus[46 - Злой умысел (лат.).], но не погибли, нас еще можно вернуть к жизни. В каком-то смысле ты прав, когда говоришь, что Джованни и Церковь не различаются, взывая к положительно прекрасному человеку в каждом человеке. Однако идеал не может принадлежать одному человеку, сколь бы мудрым он ни был. Идеал есть отблеск света Господня, проливающегося на всех без исключения. Да, Церковь настаивает на этом идеале и даже навязывает его в соответствии с миссией, возложенной на нее Господом. Но при всем при том она оставляет выбор за человеком, кем бы и каким бы он ни был, тогда как Джованни делает второй шаг и физически меняет человека, не задумываясь о его душе. Он – деспот, тиран, переделывающий людей по своей воле, по тому образу, который принадлежит ему, а не тому, кого он меняет; он поступает с ним, как хозяин – с рабом. Захочу – изувечу, захочу – сделаю красивым, причем красивым по-моему, поскольку твой образ красоты, раб, ничего не стоит…

– Но если желания раба и хозяина совпадают?

– Повторяю, соблазн красоты – самый страшный из соблазнов дьявола. Нелла стала красавицей, но красавицей с ножом в руке, убийцей, которая лишила жизни невинное дитя! Убила просто так, походя, словно соринку стряхнула с рукава. – Он помолчал. – Желания раба и хозяина никогда не могут совпасть полностью, как две монеты одинакового достоинства, ибо все настоящее, все, что делает человека таким, каков он есть, таится в самых потаенных глубинах его души, о которых ведает только Бог! И никогда нельзя забывать, что грех – это восстание против Господа!..

Мне показалось, что я проваливаюсь в бездну, и глаза мои закрылись сами собой.

– Иди-ка ты спать, Мазо, – сказал дон Чема. – Не уверен, что мы сможем вымолить у Господа столько сил, сколько нам понадобится в ближайшие дни.

Мужской пенис, наполненный желанием, весит примерно столько же, сколько тридцать три золотых венецианских дуката. Об этом мы с Ноттой узнали из какой-то книги, хранившейся в библиотеке дона Чемы. С той поры малышка стала называть наши любовные утехи инвестициями в похотливую движимость.

Разговор с доном Чемой не остудил моего возбуждения, вызванного рассказом брата Басту о соблазнительных и опасных прелестях невидимой женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Прекрасное – то начало ужасного, которое мы еще способны вынести. Р.М. Рильке (нем.).

2

Capata – удар головой (итал.).

3

Доктор обоих прав, гражданского и церковного (лат.).

4

Наука смирения (лат.).

5

Ваше высокопреосвященство (лат.).

6

О пережитом (лат.).

7

Сердце, душу и тело (лат.).

8

Вагину, рот и задницу (лат.).

9

Изощреннейший, утонченнейший (лат.).

10

Индекс запрещенных книг (лат.).

11

Запрещено, если не исправлено; запрещено, если не очищено (лат.).

12

Разврат и публичные дома много более заслуживают перед родом человеческим, чем набожное целомудрие и воздержанность (лат.).

13

Fica – вагина (итал.).

14

Гетера из «Лягушек» Аристофана, которая знала двадцать любовных поз.

15

Александрийская гетера и поэтесса III века до н. э., сочинявшая эротические руководства.

16

Шаг за шагом (лат.).

17

Уродливый ублюдок (лат.).

18

Качество женщин (лат.).

19

«Мы сделаны из вещества того же, что наши сны, и сном окружена вся наша маленькая жизнь» (англ.). (Шекспир У. Буря. Перевод М. Донского.)

20

Чудо природы (лат.).

21

Господь изощрен, но не злонамерен (нем.).

22

Апостольский «Символ веры» (лат.).

23

Люди сотворены для людей (лат.).

24

«Парадоксы о совершенном властителе» (лат.).

25

Zucchetto – кардинальская шапочка (итал.).

26

Один из титулов Афродиты (Венеры); букв.: с красивым задом.

27

«Никаких препятствий» – термин, означающий, что цензор разрешает печатать и распространять книгу (лат.).

28

Тело для медицинских опытов; букв.: дешевое тело (лат.).

29

Подобие бытия (лат.).

30

В тайне; букв.: в груди (лат.).

31

«Плыть необходимо, а жить – нет» (лат.). Слова Помпея Великого, который в бурю отправился на корабле в Рим с продовольствием для голодающих соотечественников.

32

Изыди, сатана! (лат.)

33

Каков он есть (лат.).

34

Такова воля Божья! (лат.)

35

Мамаша (нем.).

36

Перемещение (лат.).

37

В пизде у крысы (нем.).

38

Помрачение рассудка (лат.).

39

Подопечные (лат.).

40

Соитие (лат.).

41

Слияние (лат.).

42

Изнасилование, совращение, кровосмешение, прелюбодеяние, блуд (лат.).

43

Похоть (лат.).

44

Груди и вагина (лат.).

45

После этого, следовательно, по причине этого (лат.). Школьный пример типичной логической ошибки.

46

Злой умысел (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/buyda_yuriy/sady-viverny

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити